

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 37

ЭН

М 34

Т Р У Д Ы
ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР,
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН ТАДЖИКСКОЙ ССР
И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

ТОМ II

1948—1950 гг.

Под общей редакцией

А. Ю. ЯКУБОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953 ЛЕНИНГРАД

В. Л. ВОРОНИНА

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГО ПЯНДЖИКЕНТА

Городище древнего Пянджикента — основной источник сведений о строительной культуре Согда: об архитектурных приемах, планировке зданий, материалах, строительной технике и т. д. Пянджикентское городище — пока единственный в Средней Азии систематически изучаемый ансамбль доарабского времени, обладающий чертами города переходного времени от рабовладельческого общества к феодальному, где еще не изжиты черты первого и не выявились ясно черты второго. В руинах Пянджикента открываются сохранившиеся на большую высоту стены и во многих случаях сохранены покрытия; здания его не искалечены поздними надстройками. Эти особенности делают его исключительно ценным и благодарным для изучения объектом.

Пятилетние раскопки дали ценный, в значительной части уникальный материал по истории зодчества Средней Азии, расширили наши представления о градостроительстве, формах, конструкциях и типах зданий, открыли впервые устройство жилища городского типа указанного периода, подлинные черты домусульманского храма и погребальных построек-наусов.

Отсюда следует, что значение раскопок древнего Пянджикента для истории среднеазиатской архитектуры не только огромно, но в полном смысле слова исключительно.

За истекшие пять лет на городище включено в изучение около десяти объектов: здание цитадели, два храма, несколько жилых комплексов — дома местной аристократии и рядового горожанина, пригородная усадьба, наусы, части городской оборонительной стены.

Архитектурное изучение городища проводилось автором. Обмеры выполняли: в 1947—1949 гг. — автор, в 1950 г. — Р. Пальтиель и Ю. Цехновицер, в 1951 г. — Н. Васильева и автор.

Предлагаемый очерк суммирует результаты работ с 1948 по 1951 г. и касается главным образом трех основных объектов изучения: объектов I, II и III.

ОБЪЕКТ I

Объект I был первым объектом раскопок на шахристане. Его планировка и содержание настенной живописи указывают на культовое назначение комплекса. Это прекрасно задуманный храмовый ансамбль с двором и целым рядом помещений (табл. I).

Ядром композиции является квадратная зала 7.85×8.08 м, открытая на восток и замыкаемая с запада небольшим помещением — святилищем. Восточный фасад храма был украшен айваном; перед ним простирался двор, обнесенный стеной, с воротами по оси здания.

Центральная часть здания погибла при пожаре. Стены обожжены огнем, а пол был завален углем балочного покрытия; пламя уничтожило и роспись, покрывавшую некогда стены зала.¹ Обугленные фрагменты балочного покрытия до известной степени позволяют судить о деревянных частях здания.

Промер угля устанавливает наличие прогонов прямоугольного сечения, балок

¹ Местами проступают контуры рисунка; на полу найдены мелкие фрагменты.

того же профиля, досок и жердей. Конструкция покрытия, повидимому с земляной кровлей, вполне отвечает ныне существующим местным строительным приемам. Вероятно, потолок зала был отделан резьбой или росписью.

Уцелели обугленные основания ствола пары колонн; из них северо-западная распалась на куски, а северо-восточная, хотя и сильно потрескавшаяся, более или менее сохранила форму в виде луковицы или кувшинчика, опоясанного сверху валиком.

Колонны опирались на каменные базы эллинистического типа, явно чуждые этому деревянному ордеру и несомненно взятые из каких-то более древних зданий. Случайность их присутствия подчеркивается несходством размеров и неправильной расстановкой. Каждая база состоит из квадратного плинта и отдельной от него круглой, профилированной в форме вала подушки.

Стены храма сохранились на высоту до 3 м.

Стенная роспись зала и айвана была нанесена по гладко затертой глино-саманной штукатурке. Вдоль стен зала устроена невысокая (0.15 м) суфа. Широкий вход в святилище был, возможно, покрыт аркой, так как вверху намечается нечто вроде закругления. Массивный деревянный брус был положен в качестве порога, и ложе его укреплено камнями. По обе стороны двери — большие ниши своеобразного устройства: они расширяются в глубине и снабжены ступенькой, которая, как нетрудно догадаться, служила постаментом для скульптуры.

Святилище (помещение 3) отделано сравнительно с залом довольно скромно. Здесь та же гладкая штукатурка, но без следов росписи; потолок, судя по характеру обильного здесь угля, был балочный — кругляк с накатом из жердей. Против входа — высокая суфа со ступенькой, а по сторонам — две пониже.

Длинный, но неглубокий айван храма был на шести деревянных колоннах, как можно сосчитать по оставшимся в полу гнездам от сгоревших досчатых подушек. Антовы стены раскрываются уступами, между которыми по всему фасаду здания лежит широкий пандус.

По обе стороны зала на фасад открываются два входа подсобных помещений

со следами деревянного порога, косяков и даже, повидимому, запора архаического типа с вкладывающимся в стену замком.¹ Южное помещение 2 — гладко оштукатуренное, со следами пожара, было покрыто балками. Посредине северной его стены — плоская очажная нишка овального контура. В глубине — дверь во вторую комнату (помещение 4) с нишей в западной стене. Грубая сырцовая кладка стен этого помещения позднего происхождения, без штукатурки. Коридор на северной стороне и его продолжение с запада (помещения 2а и 7) были сводчатые, оштукатуренные.

С юга к основному корпусу здания прилегают помещения, очевидно пристроенные впоследствии. Здесь интересна комната 5 с изящно очерченными нишами, представляющими по устройству уменьшенную копию ниш главного зала (рис. 1). Стены комнаты и внутренность ниш украшены росписью, едва сохранившейся; в глубине ниш — следы находившейся здесь глиняной, прислоненной к стене скульптуры. Следует отметить, что задняя стенка ниш слегка покатая. Комната была покрыта сводом и, повидимому, открывалась к югу парадным двойным арочным входом (в сохранившемся четырехметровом пролете была, несомненно, промежуточная опора, что доказывает и прерывающееся по середине ложе порога).

Описанная комната сообщается с небольшим залом в четыре колонны (помещение 6). Здесь пожара не было, дерево опор сгнило, но по оставшимся пустотам можно судить, что то были простые столбы круглого сечения на квадратных базах, сведенных вверх треугольными выступами. Стены сохранились плохо. Восточнее лежит хозяйственное помещение 9.

Северный пилон храма, на вид массивный, в действительности имеет сложную структуру — это конгломерат разновременных кладок (рис. 2). Чрезвычайно любопытна замурованная в его толще узкая каморка-тайничок 0.78×2.9 м и высотой несколько более 2 м. Ее стены пристроены, очевидно, к ранее существовавшей, ограничивавшей западный торец, единственной оштукатуренной стене. Комнатка лишена

¹ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пянджикента. МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950.

дверей и перекрыта сводом поперечными отрезками. Назначение ее как тайника бесспорно, но, к сожалению, она оказалась пустой.¹ Очевидно она была устроена в расчете на необходимость в будущем. Проникнуть туда можно было, разобрав кладку свода в западной его части, где отрезки кончаются обычной для местных приемов кладкой плашмя.

С запада к пилону примыкала сводчатая комната 18, восточная и южная стены ко-

Фрагменты штукатурки с росписью обнаружены в завале помещения 11, открытого наружу, хотя и связанного с двором. Помещение 12 в северо-восточном углу двора, с суфами, очагом и следом от стойки в западной стене, являлось хозяйственным или жилым помещением (может быть, здесь жил сторож или привратник). Наконец, имеются две другие подсобные комнаты с входом извне (13 и 17). Одна из них сильно закопчена (17); в отличие от других помеще-

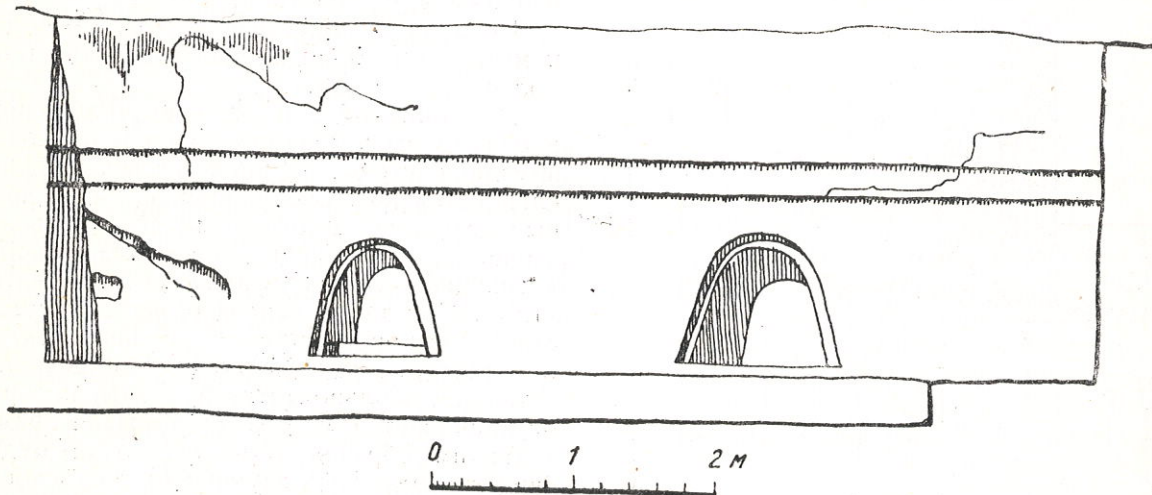

Рис. 1. Объект I, помещение 5. Северная стена с нишами.

торой замурованы позднейшей кладкой, а западная едва сохранилась.

К ограде двора (19×31 м) примыкает ряд помещений, открывающихся то во внутрь, то наружу. Это прежде всего помещение по северной стороне (10) с небольшим узеньким святилищем позади (10а). В помещении обнаружены две каменные подушки непомерно больших размеров и неправильной формы, на которые, очевидно, опирались стойки. Стены помещения и святилища покрыты росписью, причем помещение 10 штукатурилось и расписывалось дважды. Роспись по алебастровому грунту, сохранившаяся здесь довольно хорошо, изображает моменты культовых церемоний. Восточнее в ограду врезано еще одно помещение, уже совсем маленькое, со штукатуркой без росписи.

¹ Комната была заполнена мягкой землей, где попадались кирпичи от свода, разрушенного лишь по линии шельги.

ний двора она была сводчатая — оболочка свода оползла и лежит отвесно на западной стороне. Близ этой комнаты имелось сначала открытое наружу, но впоследствии переделанное помещение, где намечается, также заложенный, выход во двор; это помещение было чисто оштукатурено и выбелено. Ограда двора внутри и снаружи покрыта глино-саманной штукатуркой, за исключением южной стены, явно пристроенной или перестроенной позже. Суфа вдоль стены с внешней стороны ворот показывает, что здесь был айван.

На восток от ансамбля объекта I простирается небольшая площадь; рельеф имеет вид неглубокой котловины, ограниченной с четырех сторон.

Лучше других в храме сохранились стены зала, поднимающиеся на высоту до 3 м. Изучение стен и их строительного материала — сырца — показывает, что здание сложилось во всех своих частях не одновременно. Приводим данные о разме-

рах сырца и типах кладки различных частей здания.

Стены главного зала и святилища храма из сырца с колеблющейся шириной—44—45 и 23—26×8—9 см, на очень толстых постельных швах. 7 рядов по высоте составляют 92 см.

Лицевая стена айвана оказывается приставной (толщина ее в основном 75 см, у северного конца 35 см), причем шов между ней и первоначальным фасадом,

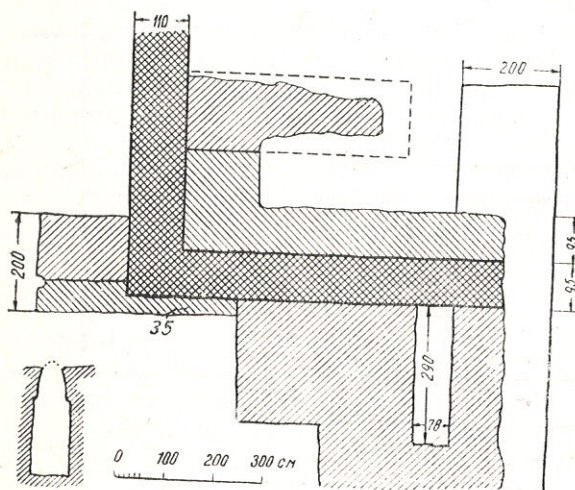

Рис. 2. Объект I. План северного пилона.

также расписанным, довольно широкий, ясно заметен. Кладка из сырца 48×24×8—10 см, 5 рядов по высоте составляют 56 см. Пилоны пристроены еще раньше, причем обращает на себя внимание очень крупный размер сырца—60×30×10 см, на постельном шве около 2 см. Зачистка северного пилона поверху показывает первоначальную фасадную стену, идущую на север и оштукатуренную с обеих сторон (кирпич 48×24×10 см); с запада на нее опирался свод помещения 18, с востока был пристроен тайник.

Пристроенные с юга помещения 5, 6, 8 и 9 сложены опять-таки из сырца другого формата: 48—50×26×8 см; 5 рядов по высоте составляют 54 см. Стена, заполняющая северо-западный угол корпуса в коридоре 2, сложена из сырца 51—52×25×10 см; 10 рядов—1.5 м. Стены комнаты 4 приставные, кладка вдоль западной стены коридора 7, видимо, также является остатком дополнительной стены.

В северо-восточной комнате двора наблюдается сырец 45×22—23×9—10 см, на толстых слоях глины, которые на некоторой высоте переходят в пахсовые высотой 15 см и более. Восточная стена двора, очевидно, относится к первому строительному периоду (кирпич 48×23—24×9 см, постельный шов колеблется от 2 до 6 см и более). Но южная стена двора несомненно позднего происхождения (сырец 50×24—28×8 см, постельный шов около 8 см, кладка небрежная, без штукатурки).

Последнее обстоятельство приводит к мысли, что двор храма был в прошлом более обширным.

Действительно, в юго-восточном внешнем углу ограды намечается продолжение фасадной стены, идущей на юг. Можно, следовательно, предположить, что двор был ограничен с юга и запада цепью помещений, образующих ныне вал, поворачивающий довольно правильно под прямым углом. При такой версии оправдано существование пристроек с юга и запада, включающихся, таким образом, в ансамбль храма, а также довольно толстой стены, которая ограничивает с севера двор позади храма.

Таким образом, объект I можно будет считать полностью изученным лишь после раскопок пристроек, прилегающих с юга и запада.

ОБЪЕКТ II

На север от объекта I, рядом с ним, расположен второй храм; изучение его начато в 1948 г. Его архитектура идентична формам первого. Планировка предельно проста, не загромождена пристройками; композиционная идея выступает отчетливо (табл. II).

Это здание носит, однако, более монументальный характер: его зал имеет размеры 8.1×10.3 м, айван разворачивается на 22 м. Храм свободно поднимается среди обширного двора на мощной платформе до 2 м высоты.

Здание не погребло вследствие пожара, а разрушалось постепенно. Стенная живопись зала и портика культового содержания, положенная без грунта по глино-саманной штукатурке, частично сохранилась; деревянные части не уцелели—они были унесены, за исключением массивного деревянного бруса и доски на западной террасе, оставивших гнезда в завале.

Стены сохранились в зале на высоту до 3,5 м, в остальных помещениях они ниже.

На полу зала найдены разбитая каменная подушка, куски второй; на месте уцелел лишь один плинт северо-западной колонны (ступенчатого сечения), от прочих остались лишь гнезда в полу.

В северной нише зала сохранился кусочек драпировки от помещавшейся там статуи.

В святилище ведет широкий проем с гнездом от деревянного порога. Устройство его то же, что и в первом храме с некоторыми вариантами в расположении суфы. Над суфой в западной стене — два правильно прямоугольных гнезда неизвестного назначения.

Из восточного айвана боковые двери ведут на террасу, огибающую здание с трех сторон. Надо полагать, что она имела балочное покрытие по столбам, но от последних не осталось никаких следов, как и на восточном айване. На стене северного участка оказались едва заметные следы росписи.

Объект II, как и объект I, носит следы проживания в нем уже после прекращения функционирования его как храма.

Первоначально пол галереи совпадал с уровнем пола в зале и переднем айване. В северной части галереи вдоль стены шла суфа высотой 25 см и шириной 88—90 см. Первому уровню пола соответствует также отлично обмазанные суфы в западной и южной частях галереи (края первой из них сложены из сырца с гравийным заполнением, остальные целиком сырцовые). Позже двери в портик были заложены, по краям галереи был уложен борт, после чего в северной части была произведена засыпка гравием, а в остальной — кирпичным ломом и землей, затем — глиняная обмазка, в результате чего уровень пола повысился на 40—45 см.

У северо-западного поворота галереи в пол вкопан большой хум, а рядом имеется сырцовая вымостка.

Западающие углы в контуре стен, получившиеся благодаря разнице габаритов зала и святилища, исправлены приставными стенками, за которыми скрываются два узких помещения шириной до 90 см и длиной 4 м. Двери их были заложены.

Южное помещение оказалось доверху заполнено аккуратно положенными слоями

сырца на растворе. В нем оштукатурена только северная стена. Северное помещение было заполнено рыхлым завалом, в котором попадались куски сырца и плоские камни, а на глубине 70 см от верха сохранившихся стен лежала рухнувшая плоская кровля с прослойкой истлевшего камыша и дерева. Пол представлял глиняную обмазку по земляной засыпке с комьями глины и кусками сырца и приходился на уровне вто-

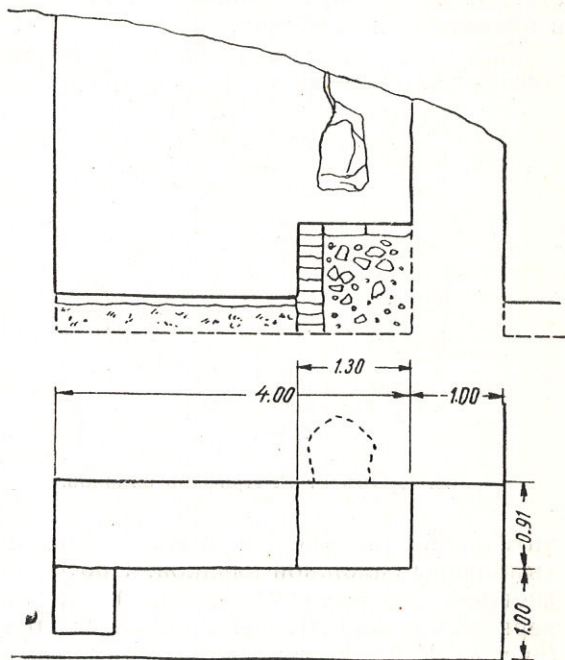

Рис. 3. Объект II. Северный тайник.

ричного пола галереи. В западном конце возвышается на 80 см суфа, выложенная по краю и сверху сырцом, а внутри заполненная также землей и кирпичным ломом. Над суфой в стене выбита глубокая ниша неправильной формы. Все стены и суфа оштукатурены глиной и саманом.

Каково было назначение этих двух камер? Почему их двери были замурованы? Нам представляется, что они выполняли роль хранилищ, кладовых, подобно тайнику в объекте I. Весь характер и устройство северной комнаты (рис. 3) подтверждает это объяснение. Ее проем на высоту 70 см заложен во всю толщину стены — 1 м со штукатуркой, выше закладка всего в полкирпича; в западной щеке проема оставлена штраба — кладка зубцами, — с тем, чтобы он

мог быть незаметно и плотно заложен кирпичом, вдвигаемым внутрь стены.¹ Снаружи стена была оштукатурена, и никто не мог бы заподозрить существование кладовой. Суфа и ниша назначались в качестве полок. Тайник был совершенно пуст, хотя, повидимому, не ограблен, поскольку завал кровли не тронут, а дверь заложена. Проникнуть туда можно было только через крышу. А на крышу попадали, вероятно, по приставной лестнице; постоянного хода, как и в объекте I, не найдено.

Для этой цели могли бы быть использованы пилоны — анты айвана, при их зна-

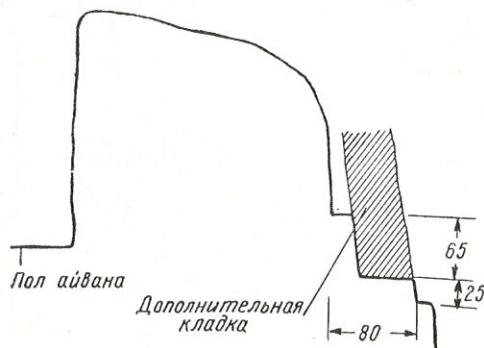

Рис. 4. Объект II. Профиль пилонов.

чительной толщине (до 3 м). Однако они выполнены сплошной кладкой. Профиль их внешних поверхностей ступенчатый; у северного пилон отмечена приставная стенка (рис. 4). К востоку их руины полого снижаются, и четкая граница кладки не различима.

Ансамбль северного храма занимает большую площадь, чем постройки южного (даже учитывая возможное продолжение двора последнего к югу и западу). Расчищены пока лишь восточная и значительная часть южной стены двора. Ширина участка с юга на север составляет около 50 м, а его восточная стена вынесена вперед сравнительно с оградой объекта I.

Восточная стена двора имеет двое ворот, одни по оси здания, другие у северо-восточного угла двора. Те и другие были снабжены массивным деревянным порогом.

У главных ворот со стороны площадки раскинулся парадный айван, совпадающий протяжением с лицевым айваном храма и

также имевший несомненно деревянную колоннаду. Вдоль стен тянется суфа. Стены айвана были богато декорированы росписью и глиняным горельефом, откуда можно заключить, что ворота были предназначены для пешеходов, а не для конников. На айване обнаружены в завале фрагменты глиняной скульптуры.¹ Любопытно, что в воротах мы находим одну из каменных баз, исчезнувших из зала храма, вернее — один плит.

Айван фланкирован двумя помещениями; начата расчистка лишь одного из них — северного. На основании работ 1951 г. можно заключить, что оно было заложено на некоторую высоту правильной сырцово-кладкой, причем на этой площадке получилась комнатка с окном во двор.

Со стороны двора восточная стена также снабжена суфой. Во дворе открыто несколько помещений. У северных ворот расположена комната с закопченными стенами — может быть, жилище привратника; дверь ее выходит на айван со стойкой по южной границе. Пол айвана выше пола комнаты, что является следствием перестройки.

Интересно наблюдать, как далеко простирается сходство планировки храмов — даже организация восточного фронта повторяется до деталей; там и здесь центральные ворота с айваном и боковые в северном углу, а близ последних угадывается комната сторожа.

Рядом с айваном мы видим вторую каменную базу-плит, положенную на специальный постамент из сырца, что заставляет признать неслучайным присутствие в воротах и первой базы.

В южной ограде двора имеется помещение с неглубокой нишей, которая имеет вид алтарной (помещение 11 объекта I); в нише обнаружены остатки росписи по алебастровому грунту (орнаментальные бордюры); перед нишей высокая суфа, вдоль боковых стен помещения тянутся две более низкие суфы.

На участке объекта II обнаружены также постройки, возможно более раннего периода; они лежат ниже уровня двора, в его восточной части, западнее храма и непосредственно под стенами последних. Возможно,

¹ Таково устройство проема и в южной комнатке, хотя здесь имеются следы порога и косяков.

¹ Расчистка стен и скульптурных фрагментов была отложена до 1952 г. В 1951 г. были раскрыты лишь ступни ног статуи и несколько мелких обломков.

что это постройки более древнего, также храмового комплекса. Весьма любопытны по устройству и конструкции две комнаты у юго-восточного угла двора. Даже имея в виду, что они относятся к раннему горизонту, следует признать их подвалами, куда спускались по ступеням. Южная и западная стены второй от угла двора комнаты представляют срез галечникового грунта с глино-саманной твердой обмазкой поверхности; между тем покрытие было сводчатое. Под лестницей у северной стены этой комнаты устроена ниша.

Близ северо-восточного угла двора находится другая комната, причем стена «привратничкой» опирается прямо на ее полуразрушенный свод и буквально висит в воздухе. Верхняя часть этого помещения свободна от завала и видна через проломы в суфе айвана и в западной стене помещения, сложенной в полкирпича.

Замечательным открытием являются обнаруженные близ юго-восточного угла участка две линии водопровода из гончарных труб. Необходимо в дальнейшем проследить их направление и конечный пункт (бассейн, резервуар).

Постройки объекта II сложены из сырца. Манера кладки стен основного здания — залы и святилища — напоминает конструкции объекта I; сырец $48 \times 24 \times 9$ см на толстых постельных швах 4—6 см (10 рядов общей высотой 142 см). В стенах тайников тот же формат сырца, но кладка небрежная, постельный шов тонкий (7 рядов — 84 см). Кладка ограды из сырца $44\text{—}48 \times 22\text{—}24 \times 10$ см, с нормальным постельным швом. Помещение раннего периода, обнаруженное у южной стены айвана храма, в толще стилобата, сложено из сырца $44 \times 22 \times 10$ см.

Выяснены субструкции объекта II в западной части платформы. Стена святилища покоится на цоколе из чередующихся рядов пахсы и сырца, по внешнему обрезу платформы идет такая же кладка шириной 1 м и высотой 1,8 м. В промежутках между этими стенами засыпка из гальки и булыжника образует основание пола, состоящего из глино-саманной обмазки по двойному ряду сырцовой кладки (рис. 5).

Ансамбль объекта II следует признать изученным лишь наполовину. Высокие холмы на его северной границе, по всей вероятности, являются руинами построек,

ему принадлежавших; с запада цепь холмов несколько снижается, а в северо-западном углу двора находилась, очевидно, башня.

Раскопки окружающих двор построек раскроют полностью богатый архитектурный ансамбль храма, вероятно выявят новые образцы живописи, могут дать ценный материал для понимания форм культа, а также

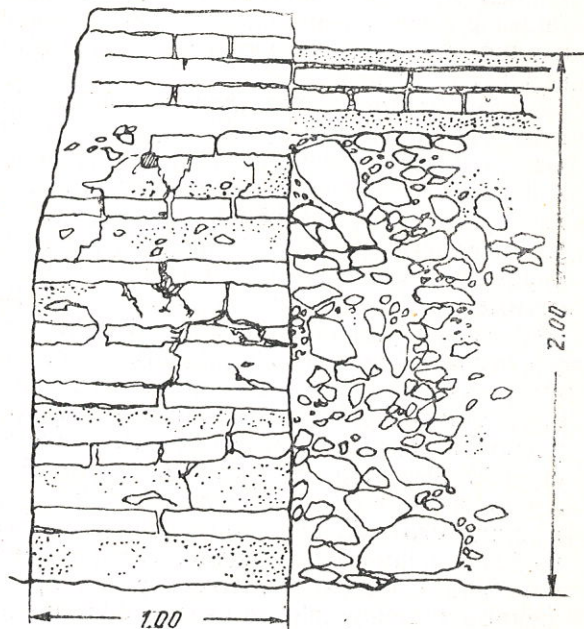

Рис. 5. Объект II. Конструкция цоколя.

связанных с ним сторон общественной жизни.

Восточный фас храмовых построек выходит на площадь, отделенную от площади первого храма невысоким валом (очевидно стеной).

Комплекс двух смежных культовых зданий с их площадями хотя и не занимает центрального положения в шахристане, будучи расположен близ его северо-восточного угла, тем не менее представляет нам главным архитектурным ансамблем города и, возможно, центром общественной жизни.

ОБЪЕКТ III

На восток от храмов, по другую сторону площади, тянется ровная фасадная линия огромного жилого сооружения, изучаемого

с 1949 г. и получившего в процессе раскопок наименование объекта III (табл. III). Это сложный конгломерат многочисленных, связанных переходами комнат, расположенных в один, два и три этажа. Помещения были крыты сводами или балками, чисто оштукатурены глиной с саманом, полы гладко промазаны глиной. Стены часто пристроены, приставлены, переделаны, но сохранились на значительную высоту, до 6 м; таким образом, в некоторых случаях видна кладка свода полностью и основание стен верхнего этажа.

Внимательное наблюдение показывает, что объект III представляет отнюдь не цельный единый ансамбль. Он образовался в результате слияния ряда отдельных жилых комплексов; это целый жилой квартал. При значительных размерах массива застройки, огромных количествах земли и трудности ее выемки из глубоких раскопов в 1949—1951 гг. не удалось даже приблизительно оконтурить данный жилой комплекс, тем более что к югу он смыкается с другими группами построек шахристана, а на востоке распространяется местами вплоть до городской стены, т. е. на расстояние до 75 м. Лишь на севере различается как будто граница его в виде узкой улочки, вливающейся в храмовую площадь. Тем не менее раскопками охвачен широкий фронт протяжением с севера на юг свыше 80 м и с запада на восток до 30 м.

Как уже было отмечено выше, западный фасад обрезан по ровной прямой линии. Это сравнительно невысокая (не выше человеческого роста), сильно размытая стена, неоштукатуренная и лишенная всяких архитектурных претензий. Уже здесь четко выступает неоднородность постройки — стена местами пахсовая, местами смешанной кладки из пахсы и сырца.

На запад открывается несколько дверей со следами деревянного порога, но без признака косяков или четвертей для дверной коробки. Они выходят не на уровень храмовой площади, а повидимому, значительно (метра на полтора) выше, на тянущуюся вдоль фасада площадку. Местами на площадке, ближе к ее западному краю, заметны невысокие бугры; их насчитывается три. Таким образом, здание имело подходы с площади и вспомогательные постройки вдоль западного фасада. В глубине массива намечаются внутренние дворы.

При наличном составе раскрытых помещений в плане объекта III различается по меньшей мере четыре отдельных жилых комплекса. Они, видимо, не связаны между собой, пристраивались один к другому по-степенно, различаются по материалу, из которого сложены стены, обладают каждый определенным составом жилых помещений. Из последних можно назвать помещение при входе (вестибюль), приемный зал, коридоры и собственно жилые комнаты; связь между этажами осуществлялась через винтовой пандус.

В ходе описания мы будем руководствоваться этой намечающейся функциональной связью помещений, а не их порядковыми номерами, которые зависят лишь от последовательности раскопок.

Начнем описание с комплекса, который представляется наиболее богатым и обширным. Он лежит как раз напротив южного храма. В настоящее время здесь раскрыта дюжина помещений, но раскопки не завершены и могут в дальнейшем выявить еще ряд комнат. Этот ансамбль сложен, отличается запутанностью планировки, помещения его просторны, а некоторые даже поражают своими размерами. В нем с течением времени были произведены переделки, но в первоначальном виде связь помещений представляется следующей.

Небольшой вестибюль (15) вел в необычно длинное помещение, впоследствии разделенное небрежно сложенной и неоштукатуренной стенкой на две комнаты — 16 и 9. Широкий парадный арочный проем комнаты 9 вел в смежную комнату (26), а отсюда открывались еще две двери такой же ширины (1,3 м) и, очевидно, с такими же красивыми арками; однако теперь виден лишь уголок кладки восточной из них, а западная разрушилась и, увлекая за собой при падении вышележащую сырцовую кладку, образовала треугольный пролом.

К западу от комнаты 26 лежит большая комната 17, стены которой украшены росписью. Роспись сохранилась плохо, однако на западной стене видны замечательно исполненные фигуры всадников (белые фигуры, черный контур, красный фон). Остатки росписи видны и в основании свода, который, возможно, также был украшен ею.

К востоку от комнаты 26 лежит проходное помещение (не раскрыто), а к северу

От последнего комната 10, оказавшаяся весьма сложной для исследования и загадочной по конструкции: наподобие двух шкатулок, вложенных одна в другую; здесь двойные стены, и, очевидно, таков был и свод. Интересно, что обе эти «оболочки» были хорошо оштукатурены. Остается предположить, что к первоначальным стенам приложили дополнительные и возвели внутри первого второй свод. Цель подобной реконструкции необъяснима. Между сводами помещений 9 и 10 лежит свободное пространство с вымосткой из сырца, куда из комнаты 9 в тонкой стенке (54 см) прорезано окно. Следует думать, что оно служило для освещения через устроенный в пазухе свода световой колодец.

Следующее помещение 8 отличается громадными размерами — 3.5×13.5 м и чрезвычайной высотой. В настоящем виде, когда уцелело лишь начало кладки, ее ряды приходится на высоте до 4.5 м над полом, откуда можно примерно подсчитать высоту до шельги в 6 м. Несмотря на оголенность стен, лишенных росписи или какой-либо моделировки, этот зал-коридор выглядит торжественно. Он имеет четыре двери — в помещениях 7, 10, 11 и 38, т. е. во всех стенах, кроме западной. Тщательный осмотр южной стены приводит к выводу, что помещение 10 прежде составляло с залом единое целое и последний, таким образом, поворачивал под углом. Именно: данный участок стены отделяется от лежащей западнее плоскости глубокой сплошной трещиной; оштукатуренная монолитная часть стены в этом месте сохранилась лишь в нижней части, а выше идет тонкая в полкирпича кладка, которая также отделяется от западного массива кладки широкой щелью, куда вставлено несколько кирпичей ребром. Эти щели совпадают с поверхностью западной первоначальной стены комнаты 10. Равным образом восточная стена зала совпадает с таковой в комнате 10 до перестройки, а ее соответствующая приставная стенка несколько выдается и слегка закрывает восточный проем зала. Последний имеет теперь ширину 90 см, а прежде был, как явствует из осмотра, 1—1.1 м. Превосходная залощенная штукатурка зала точно повторяется на первоначальных стенах комнаты 10. Итак, помещения 8 и 10 были в прошлом единым целым.

Помещение 8 граничит на севере с большим квадратным залом 7 размером 9×9 м. Этот зал носит подчеркнуто парадный, церемониальный характер и, без сомнения, был предназначен для приемов. Торжественность помещения 7 дала повод присвоить ему название «тронного зала». Планировка зала отличается продуманностью и правильностью. Вдоль всех четырех стен расположена суфа с разрывом у входа, посредине южной стены; против входа у северной стены суфа образует расширенную площадку со ступенькой. На площадке был даже, кажется, балдахин, судя по углублениям от стоек или колонок. Центральная часть северной стены, соответственно площадке, покрыта росписью (сложная по сюжету, многокрасочная, насыщенных тонов живопись сохранилась всего на высоту около 1 м). Остальная часть стены покрыта гладкой однотонной штукатуркой того же типа, как в предыдущем помещении. Стены зала сохранились на высоту 4.5 м. Проем покрыт был плоско — перемычкой из досок; дерево сгнило, и кирпич стены над дверью грозит обрушиться. Что касается перекрытия зала, оно могло быть лишь деревянным и, по видимому, со световым окном посредине. Однако пролет зала слишком велик для балок, а следов каких-либо опор на полу не заметно.

На западе помещения 8 открывается поворот в помещение 11 — коридор, непропорционально высокий для своей небольшой ширины. Этот последний был покрыт уже не сводом, а балками. В восточной стене его имеются нишки, в северной — дверь, куда поднимаются по ступенькам; в западной стене — два арочных проема.

Дверь со ступенями ведет в небольшую комнату 13, замечательную по своему архитектурному убранству. При входе устроен тамбур — невысокая стенка в полкирпича, с изящной арочкой и колонкой на углу. Лежанка идет вдоль всех стен, за исключением южной, у которой расположен очаг в виде площадки с зольником и остатками угля. Над площадкой подымалась пристроенная арочка, фланкированная парой колонн (рис. 6). Арочка найдена рухнувшей, с одной прислоненной к ней разбитой колонной, тогда как другая отсутствовала. Между очагом и дверью в стене имеется ниша изящного очертания, подразделенная по высоте на два отделения.

Штукатурка стен комнаты 13 двуслойная. Первичная полусантиметровая гладкая штукатурка окрашена в черный цвет, второй, более толстый и грубый слой раствора не окрашен. Оштукатурены заново также устои и архивольты арок.

Глиняные колонки были снабжены арматурой: внутри они полые, со следами свернутого спирально камышевого жгута, кото-

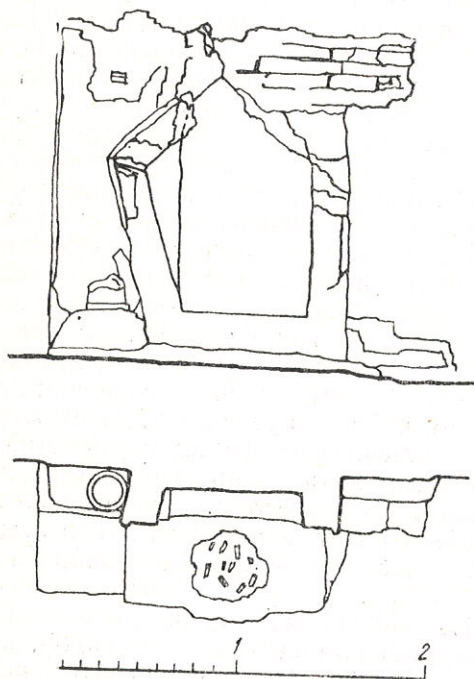

Рис. 6. Объект III, помещение 13. Северная стена.

рый, очевидно, обвивал деревянный стержень. По обе стороны арки на высоте 1.5 м в стене сохранились гнезда от брусьев, соответствующие осям колонн. К ним, вероятно, крепились стержни, удерживая хрупкую деталь на месте.

Потолок был деревянный. Особенность оформления комнаты 13 выделяет ее из числа прочих комнат объекта III. Весьма вероятно, что находящийся в ней очаг являлся домашним алтарем, и помещение носило, таким образом, некоторый специфический отпечаток.

Однако при помощи шурфования удалось установить, что пол комнаты 13, а следовательно, и все ее оборудование не являются первоначальными. Повышение пола сравнительно с уровнем соседних

помещений 8 и 11 могло иметь целью уменьшить высоту комнаты и сделать ее более соразмерной.

Как было сказано выше, помещение 11 сообщается не только с описанной комнатой, но имеет двери на запад. Одна из них ведет в лестничную клетку (помещение 14).

Лестничные клетки, т. е. пандусы, устроены на объекте III по одному типу: это квадратное помещение с центральным пилоном, вокруг которого поднимается полотно пандуса. Свободное пространство под вторым маршем используется для устройства сводчатой каморки — кладовой, как было и в данном случае; таким образом, вторая дверь западной стены ведет именно в такую кладовую. Покрытие спирального хода везде сводчатое; здесь оно не сохранилось.

На юго-востоке к данному комплексу примыкает еще один пандус более крупных размеров — помещение 25. Сводчатый ход его был высок и достаточно широк — до 1.5 м. Был ли он связан с описываемой группой помещений, установить пока не удалось из-за тяжелого завала рухнувшей паховой стены, но его принадлежность к комплексу более чем вероятна. На одном из его поворотов открывается дверь в маленькую комнату 25а.

На востоке помещения 8 расположен выход в коридор (помещение 38), пол которого на 65 см выше пола первого. Этот сводчатый коридор раскопан до южного торца и, повидимому, здесь открывается в другое помещение. В проходе (предполагают, что это дверь) на уровне второго пола обнаружен горелый слой, выше замечен обильный слой золы и органических остатков. Повидимому, помещение граничит с двором или айваном.

Материал стен второго комплекса не однороден. Масса переделок усложнила конструкции до того, что иногда стены одного и того же помещения состоят из разных материалов. Поэтому необходимо посвятить конструкциям этого комплекса несколько слов особо. Будем при этом придерживаться того же порядка, что и при описании помещений.

В комнате 15 (вестибюль) кладка стен из сырца 51—52×25×10—11 см, 10 рядов по вертикали составляют 122 см. Нетрудно, однако, заметить, что эта кладка в один кирпич является дополнительной оболоч-

кой, скрывающей первоначальные стены. Вероятно, со сводом было проделано то же, что и в комнате 10. Состояние стен плохое, кирпич из них высыпается; свод не сохранился.

В помещениях 9—16 наиболее исследованная часть — восточная (9). Здесь южная стена сложена из прекрасных пахсовых блоков в три ряда: первые два ряда высотой примерно до 1 м и длиной около 0.9 м; верхний, тонкий, высотой 0.28 м и длиной от 55 до 67 см. Но в северной стене имеется всего один ряд пахсы (1 м), далее идет смешанная кладка из пахсы и сырца 52—54 и 24—29×6 см, положенного с разрывами, с чередованием тычковых и ложковых рядов. Пахса коричневатого оттенка, сырец серый. Сохранилось несколько рядов кладки свода; в основании его видны квадратные гнезда, назначение которых будет пояснено ниже. Перегородка между помещениями 9 и 16 грубо сложена из сырца в один ряд и не оштукатурена. Видимые размеры сырца (ширина и толщина) 27 и 8 см. Западная стена помещения 16 возведена из рядов пахсы высотой до 25 см и сплошных тычковых рядов сырца (24×8—9 см); эта структура фасадной стены комплекса, ограничивающей его с запада, не меняется на всем ее протяжении.

Стены комнаты 26 из прекрасных блоков пахсы того же вида, как в помещении 9; на западной стене сохранилось у торцовых стен несколько рядов свода; в основании свода имеются гнезда.

В комнате 17 наблюдается любопытное явление: три ее стены, достаточно сохранные, стоят под штукатуркой, а четвертая — северная — находится в полуразрушенном состоянии; она раскрывает опять-таки историю пристройки; она из пахсы в полметра толщиной. В восточной стене над пахсовой кладкой виден сырец размером 50×24×8—10 см. Свод большого подъема с двойным выносом у пят сохранился с южной стороны на значительную высоту. Тут имеются гнезда правильной квадратной формы.

В комнате 25 сырец 48×24×9 см. С западной стороны сохранилось основание свода. Стены смежного пандуса из пахсовых блоков.

В комнате 10 стены сырцовые (51×25×9 см первоначальной кладки).

В сводчатом зале 8 южная стена сырцовой кладки. Сырец 51×25—26×9—10 см,

8 рядов—93 см. Видны три слоя штукатурки общей толщиной 4.5 см. Но северная стена иной конструкции — как в большом зале 7.

Свод был здесь чрезвычайно высокого подъема, с двойным выносом пят (лучше всего сохранился фрагмент у юго-западного угла).

В зале 7 кладка стен смешанная, из пахсы и сырца 52×25×9 см, выполнена довольно бессистемно: слои глины колеблются в толщине от 7 до 25 см.

Решение вопроса о перекрытии зала пришло впоследствии, и мы вернемся к нему позже.

Стены проходного помещения 11 продолжают конструкцию соответствующих стен помещения 8. Покрытие здесь было балочное: стены сохранились на значительную высоту, имея отвесную поверхность.

Кладка стен комнаты 13 напоминает кладку в комнате 9 — пахса и сырец. Последний уложен с разрывами, поочередно ложком и тычком; но его формат, отступающий от обычного — 55×30×7—8 см — подтверждает одновременное с другими возникновение этого помещения. Оттенок пахсы коричневатый, сырец серо-зеленый. Толщина слоя старой штукатурки 2 см, новый ремонтный слой лишь около 0.5 см. Поскольку нет признаков свода, следует предполагать, что перекрытие было плоское, по балкам.

В помещении 14, т. е. пандусе, кладка стен также из пахсы и сырца, но иной системы: сырец уложен в шахматном порядке только тычком (25×10 см). Ту же конструкцию имеет центральный пилон.

В помещении 38 стены сырцовые; у основания свода — гнезда.

Помещения 9, 10, 16, 17, 26 полностью не расчищены.

Пол комнат 9 и 26 на 1 м ниже уровня пола залов 7 и 8. Поскольку пять арки восточной стены комнаты 26 примерно на ту же величину повышены сравнительно с северным проемом, можно полагать, что пол помещения 10 находится на одном уровне с полом квадратного зала и разные уровни связаны ступенями как раз под этой аркой.

Позднее помещения 26 и 17 были более чем наполовину засыпаны землей с кирпичным ломом и по этой засыпке положен глиняный настил нового пола, лежащий на

уровне пола комнаты 25а. Такое переоборудование, вероятно, дело рук случайных жителей, появившихся много лет спустя после занятия города арабами. Вторичный уровень пола прослеживается также в помещении 38 (около полуметра над первоначальным).

На севере к описанному выше комплексу примыкает другой комплекс помещений, с которого началось изучение объекта III. Эту группу помещений можно считать в настоящем наиболее определенно ограниченной и законченной.

Помещение 2 — изломанный под углом коридор, по существу распадается на две части, из которых первая, при входе, являлась вестибюлем. Она была покрыта сводом, тогда как остальная часть коридора, очень высокая (стены сохранились на высоту до 3.5 м при ширине 1.7 м), но без следов свода, имела, очевидно, плоское покрытие. Конструкция южной стены наглядно показывает, что помещения этой группы пристроены к соседнему комплексу: обнажен угол сырцовый стены помещения 7 (даже как будто немного подтесанный); примыкающая к помещению 13 кладка — из пахсы, но всего полметра толщиной, что, как и в комнате 17, повело к разрушению — размытые блоки приняли вид бесформенных глыб. В остальной стены достаточно сохранные, с гладкой штукатуркой. На восточной стене штукатурка, скрывающая какие-то изъёмы сырцовой кладки, неравной толщины и местами намет в несколько слоев достигает 10 см. Здесь, а также на северной стене вестибюля видны едва заметные остатки росписи; на западной нет никаких ее следов и как будто не было совсем.

Из вестибюля венчавшийся аркой проем ведет в квадратную комнату 6, устройство которой повторяет в меньших масштабах идею помещения 7 (ее размеры 6.36 × 6.19 м) — та же симметрия, суфа вдоль стен и площадка против двери (только без ступеньки). На стенах двойной слой отличной глино-саманной штукатурки, достигающей в целом толщины 2.5—3 см, и живописная панель 1.45 м высоты. Здесь изображены сцены битвы с витающей над полем боя богиней победы, группа царственных лиц — мужчин и женщин, сюжеты, связанные с культом (ритуал жертвоприношения?), и др.; гамма красок строгая —

черная, белая и желтая на красном фоне. Сохранность живописи плохая; лишь на восточной и отчасти северной стене различим рисунок; на западной стене штукатурка почти полностью отпала; на южной лишь кое-где сохранились пятна краски. Над панелью стены в очень плохом состоянии.

Под штукатуркой комнаты 6 обнажаются прекрасные пахсовые блоки. Суфа высотой 40—50 см. Перекрытие было, как и в помещении 7, деревянное. Посреди пола обнаружены следы кострищ.

Комната 6 не только устройством и богатством убранства, но и положением в плане близ входа подтверждает предположение о назначении ее в качестве парадного приемного зала.

В глубине комплекса лежали сводчатые помещения: коридор 3 и, повидимому, три жилые комнаты — 4, 5 и 35. В комнатах 4 и 5 пол понижен сравнительно с комнатой 2 и туда ведут три ступени. Но понижение пола в комнате 35 более значительно, поэтому коридор 3 идет наклонно. В комнатах 3 и 4 с восточной стороны кладка свода сохранилась до замка.¹ Стены помещений, насколько их можно видеть, глинобитные, но без деления блоками и невысокого качества. Над этой частью здания, по крайней мере над помещениями 2—5, был второй этаж; вдоль стен над сводами прослеживается уровень его пола с глиняной обмазкой. Над помещением 4 и коридорами 2 и 3 располагалось одно просторное помещение; над помещением 5 и далее к востоку намечается второе, соединенное проемом с первым. Расстояние между уровнями полов 3.15 м. Остается, однако, пока невыясненным, как поднимались наверх.

В северном торце помещения 2 расположен проем, соединявший некогда описанную группу с комнатой 1 или помещением, бывшим на ее месте. Отсюда через маленькую проходную комнату 34 был доступ в помещения 36 и 37, которые, повидимому, граничат со двором. Эти два помещения, судя по их габариту, имели плоское покрытие; стены помещения 37 почти не сохранились, пол почему-то повышен сравнительно с полом смежных помещений. Этот комплекс, открытый в 1951 г.,

¹ Здесь во избежание обвала свода расчистка не доведена до конца.

еще мало изучен. Комната 34 при своих крошечных размерах имела, тем не менее, две суфы; к восточной стене прислонена стойка (может быть поддерживавшая какую-нибудь хозяйственную антресоль). Штукатурка стен у юго-западного угла закопчена. Покрытие было, видимо, сводчатое, но не сохранилось; проемы сведены арками, кладка которых обрушилась.

К западу дверь из комнаты 1 вела в сводчатую комнату 39, а к этой последней примыкают под углом еще две такие же (полностью не раскрыты). Стены этой анфилады сырцовые (в комнате 1 сырец $50 \times 25 \times 10$ см).

Была ли новая группа комнат когда-либо связана с рассмотренным выше комплексом? Такая связь представляется маловероятной.

Помещение к северу от комнаты 2 испытало ряд превращений, запутавших историю постройки и сделавших на этом участке раскопки крайне затруднительными. Стены комнаты наращивались изнутри, как это было с помещением 10. В результате дверь была закрыта оболочкой свода: Комнаты 1, 34 и 39 относятся, вернее всего, к этому периоду и, следовательно, составляют новую самостоятельную группу. В дальнейшем была возведена внутренняя коробка, причем размеры комнаты ограничены — восточная часть заложена и на своде ее основан пандус, обслуживавший какие-то выше расположенные помещения. Прочность такой конструкции, как и следовало ожидать, оказалась недостаточной: свод просел, началось разрушение помещения. Тогда-то, видимо, заложили сюда ход из комнаты 39. В настоящее время восточная граница комнаты 1 представляет хаотическое смещение остатков свода и осыпающегося кирпича-забутовки с нависающей над всем этим стеной пандуса.

Для уяснения характера планировки этого комплекса стоит присмотреться к узлу стен в северном торце помещения 2. Глинобитная стена комнаты 3 оказывается приставленной к сырцовой стене, в которой прорезана дверь на север. Это обстоятельство, будучи поставлено в связь с существованием поперечной ей сырцовой стены коридора 2 и, может быть, другой такой же восточнее, между которыми лежат комнаты 4 и 5, приводит к предположению, что вся система глинобитных стен этого

комплекса является следствием внутренней реорганизации — измельчения помещений, (может быть связанного с увеличением плотности застройки), т. е. что комнаты 3, 4, 5 перedelили площадь бывших здесь ранее более крупных помещений. Таким образом, комната 6 оказывается также пристроенной к более раннему сырцовому костяку. Что касается комнаты 39, напротив, ее южная стенка в один кирпич пристроена к комнате 6, что доказывает одновременность комплекса. Таким образом, прошлое двух смежных групп помещений оказывается еще более сложным, чем история комплекса, расположенного напротив южного храма.

По фасаду пахсовая кладка сменяется сырцовой.

Лежащая далее к северу группа помещений, по всем данным, уже не принадлежит комплексу комнат 1, 34, 39: здесь другой материал стен (комбинированная кладка); обращенных на юг дверей пока не обнаружено. Но главное — функции помещения 12 явно были качественными иными, чем всех ранее описанных комнат объекта III, так как особенности его планировки и устройства говорят о каком-то общественном назначении.

Это прямоугольный зал, вытянутый в широтном направлении. Деревянное покрытие опиралось на четыре круглые колонны, и посредине потолка, очевидно, было световое отверстие. Эта комната, как и объект I, была уничтожена пожаром, но дерево покрытия, сохранившееся довольно хорошо, обугленными балками лежит на полу и суфе. Невысокая суфа огибает все стены, оставляя свободным лишь проход к двери на запад. Эта дверь ведет в айван, где перекрытие несла пара колонн, а вдоль стен без разрыва идет суфа. В восточной стене помещения 12 прорезана дверь в сводчатую комнату 12а, вытянутую поперечно оси зала. Против входа в стене расположена ниша, а в торцовой стене — арка, ведущая на север. Кладка из пахсы и сырца в шахматном порядке тычком ($25-27 \times 10$ см).

Стены помещения 12 были расписаны. Но лишь неясные контуры и краски проступают кое-где на фрагментах упавшей штукатурки. Следы росписи намечаются и в нише следующей комнаты. Края суфы приятного округлого профиля получили.

от обжига прочность жженого кирпича и прекрасный розовый оттенок. Перед входом в заднюю комнату вынута ступенька. В углах зала близ двери на площадь устроены два очага, для чего в суфу вмазаны большие хумы (над южным из них впоследствии был плоский очажок с бортиком). Место северного очага было выделено на суфе покатым валом. В стене рядом с очагом выдолблена ямка вроде тех, какие бывают в современных домах горцев-таджиков, например по течению Матчи. В такие ямки кладут деревянные ложки или другие мелкие предметы обихода. Ближе к двери в той же стене тоже выдолбленная небольшая ниша.

В противоположность жилым комплексам с их тесными вестибюлями и системой узких переходов, отрезающих комнаты от входа, здесь непосредственно с площади через открытый айван попадали в просторный и светлый зал. Эти черты указывают на общественное назначение описанного комплекса помещений. Кажется весьма правдоподобным, что айван давал приют паломникам, которые издалика стекались в город, привлеченные его святынями. Четырехколонный зал служил трапезной; в глубине лежат, повидимому, жилые помещения. Настенная роспись и ниша комнаты 12а напоминали о том, что помещения имели известное отношение к культуре.

По северную сторону помещения 12 открыта еще одна небольшая комнатка с проемами на запад и восток. Строительный материал здесь тот же, что в предыдущем случае — пакса и сырец. Будущее покажет — имеет ли она отношение к помещению 12.

На юге комплекс, расположенный напротив южного храма, соседствует еще с одним комплексом. Тут неоднородность жилого массива, именуемого объектом III, выступает наиболее ярко: двойные промежуточные стены, достигая в совокупности почти 3 м толщины, разделены швом до 10 см шириной.

Трудно сказать, какая группа помещений возникла раньше, но, кажется, южная, поскольку она занимает больше места по фасаду.

Этот комплекс имеет некоторые особенности. Прежде всего он лишен парадного зала, столь характерного в составе помещений двух других групп объекта III.

Затем, если в упомянутых группах, очевидно, был второй этаж, то здесь налицо уже два этажа, над которыми намечается третий.

В данное время открыт второй, основной этаж группы, т. е. помещения 18—24, 27—29 — всего одиннадцать.¹ Первый этаж расширен частично в помещениях 19, 22, 24.

Членение на первый и второй этажи достигается путем деления сводчатого помещения по высоте на две части балочным перекрытием. Высота от пола до пола в помещении 24 — 3 м. Пол первого этажа помещения 24 лежит на 1 м глубже пола помещения 7.

Деревянные междуэтажные перекрытия, разумеется, не сохранились; о былом наличии их свидетельствуют лишь гнезда от балок.

В южном комплексе многое пока остается загадочным. Двери второго этажа выходят на террасу западного фасада, но не известно, имеет ли наружные проемы первый этаж. Не выяснено, как сообщались между собой первые два этажа, ибо имеющийся пандус начинается на уровне второго этажа и ведет в третий. Неясно, были ли изначально связаны с остальными помещениями 27 и 28, или образовывали особую группу. Наконец, не исключено, что здесь были по существу три небольшие группы — по числу внешних проемов. Таким образом, объединение всех этих помещений в одну группу может быть принято лишь условно.

Стены помещений 18—22 пахсовые, а помещений 23, 24 и южная в помещении 28 сырцовые; стены между помещениями 22а, 28 и 29 глинобитные (того же типа, как в помещениях 3, 4, 35).

Помещение 21 играло роль вестибюля. Здесь, кроме входной, еще три двери: арочки пандуса и кладовой (рис. 7) и проем в соседнюю комнату 19.

Пандус двумя маршами выводит в комнату 18. Для того чтобы попасть на третий этаж, нужно было пройти шесть маршей от вестибюля или четыре (точнее 3½) со второго этажа. Этот пандус выглядел красиво благодаря изящным угловым тропмам, укреплявшим свод маршей на поворотах. Под третьим маршем приютилась маленькая каморочка-кладовка, примыкающая восточной стеной к помещениям 18 и 19, пол кото-

¹ Показаны на плане.

рой опущен на 40 см ниже пола вестибюля; свод ее неплохо сохранился.

В завале комнаты 18 попадает масса обожженных плит размером $35 \times 40 \times 5.5$ см, которые, видимо, устилали пол третьего этажа или кровлю здания. На северной стене над гнездами балок перекрытия сохранился фрагмент грубой алебастровой штукатурки, положенной поверх обычной глино-саманной. Алебастр непористый, зернистый и раствор нанесен, вероятно, от руки.

Комнаты 18 и 19 сообщались между собой у западной стены, комнаты 19 и 22 соединяются у восточной, как в первом и во втором этажах; стена между комнатами 22 и 22а разрушена до уровня балок перекрытия, поэтому не известно, сообщались ли эти помещения. Во всяком случае у восточной их стены двери между ними отсутствуют в обоих этажах.

Из комнаты 22 открывается арочка в маленькую комнату 23, где пол был замощен плитками жженого кирпича и им же облицованы снизу стены. В нижнем этаже помещения 21 проема на восток нет.

Все описанные помещения были покрыты сводами.

Помещение 22а носит характер коридора, открытого на запад широким проемом. В восточном конце он соединяется аркой с помещением 24. Южная стена, отделяющая его от помещения 28, очень плохой сохранности,¹ близ северо-западного угла в ней намечается проем.

Помещение 24 имело плоское балочное покрытие. Судя по характеру помещения 22, о нем можно предположить то же.

Остальные части комплекса представляют последовательную связь айвана западного фасада (помещение 29), помещения 28, состоявшего прежде из двух узких комнат (разделяющая их стена почти не сохранилась над уровнем пола второго этажа), и просторной комнаты 27 с суфой вдоль стены.

На средней стене помещения 28 с северной стороны видна алебастровая штукатурка того же типа, как в комнате 18.

Покрытие всех названных помещений было, повидимому, везде плоское, балоч-

ное, судя по габаритам помещения 27 и отсутствию пяты на южной стене (тогда как она могла быть уже заметной при сохранившейся высоте последней). В этой группе помещений прослеживается ниже лежащий этаж; при расчистке завала извлечено много тонких обожженных плиток, упавших с плоской кровли.

Комнаты 27—29 составляют крайнюю южную линию раскопанной части объекта III. Далее намечаются части каких-то помещений, но уже близка граница застройки,

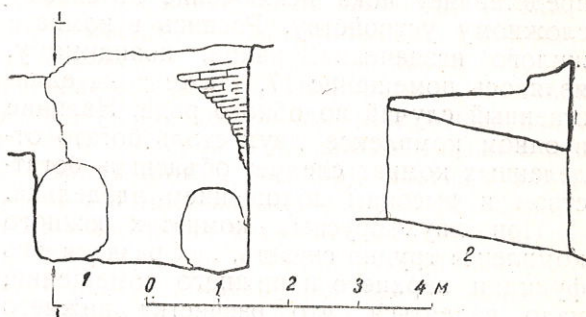

Рис. 7. Объект III, помещение 21.

1 — входы в пандус и кладовую, 2 — разрез пандуса.

прерываемой улицей или двором, как показывает соседняя котловина.

Так рисуется структура большого жилого комплекса объекта III на основе наблюдений 1949—1951 гг. Дальнейшее позволит проверить сделанные нами предварительные заключения.

В настоящее время создается впечатление, что застройка шла постепенно, с юга на север. Во всяком случае, верно это наблюдение или нет, замечательна правильная линия западного фасада, указывающая на существование известных градостроительных принципов планировки.

Впрочем, не следует полагать, что терраса вдоль западного фасада здания представляла неразрывное полотно, что-то вроде панели тротуара. Не приходится сомневаться, что она делилась на участки соответственно жилым комплексам; возможны также колебания ее уровня согласно полу той или иной части здания.

Раскопки объекта III уже на текущем этапе дают ценные сведения о составе помещений, обслуживавших отдельную

¹ Расчищена лишь частично, в средней части; под ее основанием виден тонкий зольный слой. Вдоль нее на полу толстый слой золы с обломками керамики.

семью. Остановимся несколько на суммарной характеристике отдельной жилой ячейки. Главное в каждой жилой постройке — собственно жилые помещения. Жилые комнаты объекта III в большинстве лишены особой специфики и не отличаются внешне от коридоров или внутренних проходов. Такие отличительные признаки, как суфы (лежанки), бывают не везде, да и присущи не только жилым комнатам, ниши в стенах почти не встречаются. Комната 13 представляет пока исключение по своему сложному устройству. Роспись в комнате жилого назначения, какой, повидимому, являлось помещение 17, также пока единственный случай подобного рода. Наличие в одном комплексе двух столь богато отделанных комнат следует объяснить богатством и высоким положением владельца.

При двухъярусных комнатах южного комплекса трудно сказать, как разделялись функции верхнего и нижнего помещений; надо надеяться, что расчистка нижнего этажа поможет выяснить это. Так, например, пол первого этажа помещения 22 оказался усеян обломками хозяйственной керамики.

Интересно, что сравнительно немногие из комнат здания III непроходные (5, 13, 17, 24, 35 и др.), и, может быть, именно подобные помещения предназначались для сна. Сводчатые комнаты преобладают. В плане комнаты сплошь и рядом очень неудобные — узкие и длинные.

Как уже отмечено выше, здесь трудно отличить собственно жилые помещения от коридоров. В качестве таковых можно рассматривать безоговорочно помещения 2, 3, 22а; помещения 8 и 10, 9 и 16 являются по своим масштабам скорее чем-то вроде парадного пассажа. Поэтому трудно указать для здания III какие-то определенные нормы площади жилой комнаты. Не включая в их число только что названные помещения, получим цифры от 9 до 30 с лишним квадратных метров (вымостка размером 1.5×3.3 м в помещении 23 заставляет видеть в нем комнату особого назначения, служившую, может быть, для омовений). Случается, что длина комнаты превышает ширину более чем в три раза.

Мы не рассматриваем в ряду собственно жилых помещения 6 и 7, причисляя их к особой категории. Это своего рода гостиная, приемный зал — то же, что михмон-

хона современного народного жилища Средней Азии.

Помещения 6 и 7 можно считать классическими образцами такого рода. Но они не единственные из открытых на городище. Так, на объекте VI, раскопки которого начаты в 1951 г., первым был раскрыт именно такой зал размером 7×7 м, самый богатый по убранству. Стены его покрыты живописью на большую высоту. Яркие краски особенно эффектны благодаря черному фону; прекрасная сохранность рядов сцен возмещает почти полное исчезновение росписи на некоторых участках. Зал разделен уже знакомыми чертами: входом (арочным) посреди одной из стен, суфой вдоль всех стен, переходящей в площадку против входа; залу предшествует узкое сводчатое помещение, которое являлось чем-то вроде передней или приемной.

Долгое время оставался открытым вопрос о конструкции перекрытия «тронного зала» объекта III. Здесь, наконец, мы находим его решение: на полу, по углам, образованным суфой, остались гнезда от массивных деревянных подушек, служивших основанием четырех колонн. Благодаря опорам пролеты сводились менее чем к 4 м и покрывались прогонами, от которых на стены ложились балки. Середина потолка оставалась открытой, обеспечивая свет и свежий воздух. Можно допустить, что центральная часть покрытия делалась срубом, «чорхона», который принят в жилище Бадахшана и оставил след в ферганской народной архитектуре. Правда, в залах объекта III нет признаков деревянных опор. Но дерево могло быть унесено и следов его не осталось. Вспомним, что деревянные части прослеживаются главным образом там, где был пожар: в помещении 12 объекта III, на айване объекта I форма подушек отлично запечатлелась, более того, сохранились обугленные фрагменты колонн; в северном же храме — нет никаких реальных указаний на деревянные колонны, хотя они тут бесспорно были.

Таким образом, вопрос о форме покрытия квадратных зал получает вполне удовлетворительное объяснение.

На объекте V — жилом комплексе скромных размеров, с небольшим количеством помещений — необходимо также отметить зал размером 6.4×6 м. Этот зал — упрощенный вариант помещения той же кате-

гории — уже с угловым, а не с центральным входом, окруженный суфой без разрыва, с гладкой настенной штукатуркой и следами росписи на одной из стен (восточной). Помещение здесь потеряло официальный характер, столь присущий всем уже описанным; в стене его имеются ниши, а вход защищен щитком — невысокой стенкой в полкирпича, образующей своего рода тамбур (как в помещении 13 объекта III). Тут как будто соединяются черты приемной и обычной жилой комнаты.

Наконец, в объекте VII, близ объекта VI, открывается зал, самый большой из до сих пор известных, 9×9 м. В нем нет суфы и, по видимому, имеется не одна дверь, что отличает его от прочих комнат типа зала и дает повод усомниться в сходстве их назначения. Тем не менее перед ним намечается обычный вестибюль коридорного типа. Декорирован этот зал необычно исполненным по сырой штукатурке рельефным орнаментом чешуйчатого и сетчатого рисунка (см. ниже).

Таким образом, залы варьируют в размерах, и, отчасти, в устройстве. Общей неперменной чертой остается повсюду квадратная конфигурация (хотя зал объекта VI слегка от нее отступает).

При входе в жилой комплекс лежит небольшой вестибюль или коридор (2, 15, 21). Сообщение с верхним этажом осуществляется своего рода лестничной клеткой — пандусом. Пандусов на объекте III — четыре. Они стандартной конструкции: квадратная клетка с центральным пилоном, вокруг которого поднимается пандус под углом 20—25°. Лестничных площадок, насколько можно заметить, не делали. Винтовая галерея покрывается сводом. Размеры клеток от 3 до 4 м по внутреннему промеру каждой стороны.

Но куда поднимались пандусом? Был ли то верхний этаж или плоская кровля? Эти понятия для жилища народов Средней Азии могут быть равнозначными — здесь плоская крыша служила для сна в теплые месяцы, для хранения продуктов, сушки фруктов и т. д.

На объекте III пандусы говорят о большой роли верхнего этажа, где, видимо, были и помещения под легкой балочной кровлей, и навесы, и просто открытые площадки. Стены, подымающиеся над сводами, ограничивали, очевидно, помещения

(как мы это видим над помещениями 2—5). О существовании вышележащего этажа говорят предметы, находимые в верхних слоях завала.

Трудность устройства водостоков при большой площади застройки вынуждала замаскировать кровлю жжеными плитами, которые встречаются в завале некоторых комнат, например, как уже отмечено, в помещениях 7, 18, 27. Над помещением, примыкающим с востока к помещению 12а, виден нижний ряд кладки стены и примыкающая к ней плита вымостки *in situ*.

Взаимное расположение помещений в плане не подчиняется какой-либо определенной системе. Квадратный зал 7 лежит в глубине комплекса; квадратный зал 6 — при входе; пандус иногда связан с вестибюлем (помещение 20), иногда с внутренним помещением (14). Планировка довольно хаотична, чему немало способствовали переделки, а также стесненность участка и необходимость приспособляться к существующей застройке.

Состав помещений изучен еще не полностью — до сих пор не открыты кухни и хозяйственные помещения.¹ Наши представления о жилом здании будут не полны, пока не выяснен его план в целом вместе с хозяйственным аппаратом — очагами, внутренними дворами, подсобными постройками, пока неясно — искать ли их на востоке, или на западе. Казалось бы, неудобно обращать непарадную часть жилища на храмовую площадь, но у средневекового города своя логика. Внутренние дворы обслуживали, очевидно, не все ячейки, да и не везде имели выход на улицу. Нужно иметь в виду, что кухня не обязательно должна была носить капитальный характер. В ряде случаев кухня могла представлять собой лишь очаг под навесом (как это делается в современных домах узбеков и таджиков) и располагаться на площадке перед фасадом. Толстый зольный слой и органические остатки, засыпающие двери помещений 36, 37, разумеется, позднего происхождения, но несомненно эти пункты уже близки хозяйственным узлам на внутренних дворах; зольный слой в помещении 22а заслуживает более серьезного внимания.

В заключение коснемся благоустройства жилых помещений.

¹ Кухня известна только на объекте V.

Прежде всего возникает вопрос — как они освещались? Ответ подсказывают раскопки Топрак-Калы в Хорезме: через люки в потолке или своде. Проемы в стенах первого этажа, помимо двери, были невозможны из-за сплошной застройки или нежелательны по ряду причин (изоляция от внешнего пространства, избежание теплопотерь и т. д.).

При такой системе помещения были полусвещенными, и трудно представить, каковы были условия в комнатах, получавших второй (а может быть, третий) свет, как в нижнем этаже южного комплекса.

Отопления в собственном смысле слова не было; лишь пятна гари, иногда следы костра, часто видны на полу как в комнатах, так и в парадных залах (например 4, 6, 7). Исключением является углубленный в стены миниатюрный очажок в одной из комнат объекта V. Площадок для угля, как на Ак-Тепе близ Ташкента, здесь не встречается. Что касается очага комнаты 13, он по типу носит не утилитарный, а культовый характер. В вопросах устройства очагов нам нередко помогают этнографические параллели.¹ Так, очаги в хумах помещений 12 являют полное подобие чагдонам жилища таджиков Куляба, а маленькая площадка с бортиком, устроенная впоследствии в том же помещении над одним из хумов, напоминает памирский чулак. Очаги для варки пищи на объекте III, как уже говорилось выше, пока не обнаружены.

Дверные полотнища имели только наружные проемы, судя по наличию порога.

Объект III представляет тип городского жилища, причем в основном — жилища дехканской знати. Объект V является образцом скромного городского жилища. Наконец, объект VIII дает понятие о типе пригородной усадьбы. Это небольшая компактная постройка с неправильной разбивкой помещений. Пандус принял здесь вытянутые очертания. Помещения были сводчатыми.

Простая конфигурация плана, не стесненного недостатком земли, ряд таких хозяйственных деталей в комнатах, как закрома и зерновая яма, грубые конструк-

ции и непритязательное убранство создают специфику сельского жилища.

КОНСТРУКЦИИ

Изучение городища в Пянджикенте дает не только исключительно богатые сведения о типах зданий, но и ценные данные о строительной технике древности. Представления о строительных приемах особенно расширяются благодаря раскопкам объекта III, которые дают возможность изучить типы покрытия.

Устройство цоколя и фундамента удалось пока зафиксировать только на объекте II, на западной его границе (рис. 5). Под стенами святилища и по обрезу цоколя выведена кладка с чередованием слоев глины и сырца, а промежуточное пространство заполнено галькой и булыжником, политыми сверху жидким глиняным раствором.

По этой забутовке устроен пол из двух рядов сырца, положенных на слой глины до 10 см толщиной и покрытых сверху глино-саманным раствором. Над ним вторичная глиняная обмазка в 6—7 см. Кладка по обрезу цоколя выведена выше уровня пола бортиком. Этот цоколь, высотой 1.75 м, покоится на грунте.

В галерее объекта II, как отмечено выше, имеется более поздний пол. Этот второй уровень пола (на 45 см выше первого), представляет глиняную обмазку толщиной в 5—8 см по засыпке из земли с кусками сырца и глиняными комьями. В южной галерее структура пола идентична, а в северной отличается тем, что оба уровня пола состоят из глиняной обмазки по гравийной засыпке.

Сырцовая вымостка пола обнаружена также на объекте I (помещение 3), в кешке. На объекте III полы обмазаны глиной. Субструкции объекта III пока не исследованы, ввиду трудностей, связанных с большой глубиной раскопок.

Суфы целиком из сырца, или сырцом выложен только край, а остальное выполнено забутовкой — земляной или гравийной, с глиняной обмазкой поверхности.

Кладка стен представлена рядом типов и вариантов, из которых в нашем отчете за 1947 г. отмечены лишь два.¹ Остальные

¹ Мы уже касались этих вопросов в очерке результатов работ 1947 г. См. нашу статью «Изучение архитектуры древнего Пянджикента» (МИА СССР, № 15, 1950).

¹ МИА СССР, № 15, 1950.

выяснены позже, главным образом раскопками объекта III.

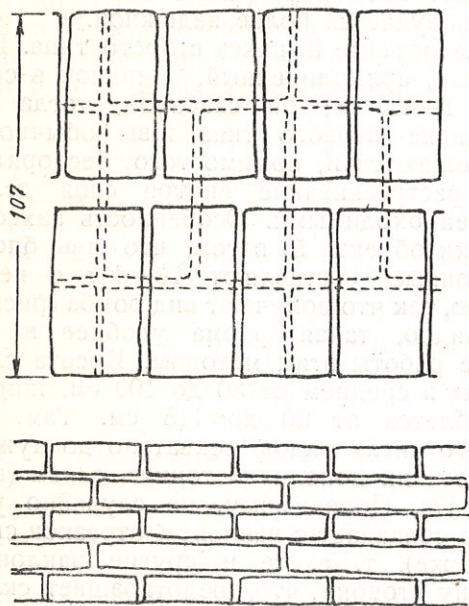
Основных типов — три: сырец, пахса и комбинированная кладка. Не будем задерживаться на общей характеристике этих приемов, поскольку им уделено место в отчете 1947 г.¹

Сырец пянджикентского городища прямоугольной формы. Размеры колеблются от 22×44 до 30×60 см, толщина от 8 до 12 см.

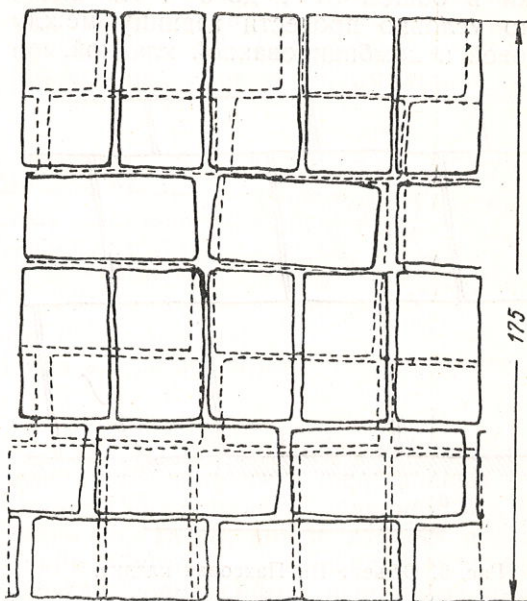
случаев вынимается из стен и сводов целым.

Одна из постельных граней сырца бывает снабжена бороздами, проведенными вдоль или наискось пальцами по сырой глине, или оттисками пальцев, иногда помечена тамгой. Тамга обычно имеет вид буквы «С», реже кружка.

Роль тамги еще не вполне ясна. Если они различаются в одной и той же по-

Кирпич 48-50×25-27×8-9

Кирпич 47-48×25-26×9

Рис. 8. Объект I. Кладка сырцовых стен.

Таким образом, отношение сторон в общем 1:2. Однако в большинстве случаев эта пропорция не выдержана точно, и длина равна удвоенной ширине с прибавлением 1—2 см на перевязку, как в современном стандарте кирпича: сырец такого формата составляет 50%, точный формат (1:2) — около 30%. Встречается изредка сырец, у которого длина менее удвоенной ширины. На объекте I сырец основной части (зала), как уже отмечено выше, колеблется в размерах, причем разница в ширине достигает 5 см. Можно допустить, что здесь отчасти использован сырец более ранних построек, так как еще и теперь он в ряде

¹ См. там же и в статье автора «Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии» (КСИИМК, XXVIII, 1949).

стройке, им можно приписать регистрирующее значение. Труднее объяснить их смысл там, где они единообразны, как в данном случае. Что касается меток вообще, они определяют одну из постелей, верхнюю при выделке, которая в кладке всегда положена книзу. Таковы строительные правила как в древности, так и у современных народных мастеров.

Сырец клался на глиняном растворе с перевязкой швов по вертикали и по-слоино. В стенах толщиной 1½ и 2 кирпича система перевязки совпадает с методами, принятыми в русском строительном деле — тычки сочетаются с ложками (рис. 8). По фасаду получается чередование тычковых и ложковых рядов, но смешанные ряды из тех и других нигде не встре-

чаются. Разрезка по вертикали бывает двух видов: 1) с небольшим сдвигом (примерно на толщину кирпича) и 2) над серединой торцевой стороны. В последнем случае получается вариант, называемый в русской современной технике цепной кладкой. В общем интервалы соблюдаются не слишком точно.

Вертикальные швы обычно около 1 см, но достигают и 5 см. Постельные швы кладки в общем от 1 до 6—7 см. Здесь можно условно провести границу между сырцовою и комбинированной кладкой.

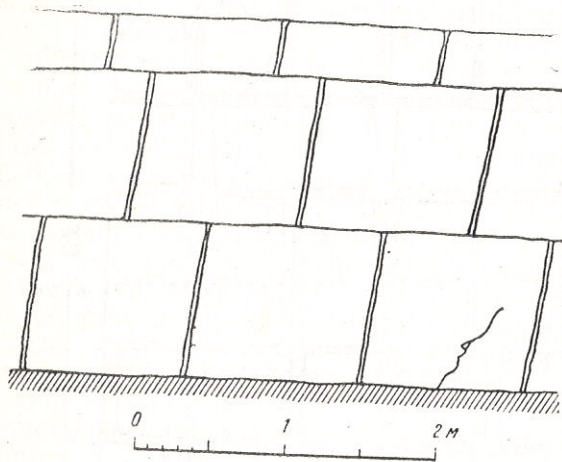

Рис. 9. Объект III. Пахсовая кладка.

На опыте раскопок цитадели и объектов I—II можно было предположить, что сырец является основным материалом построек городища. Однако на объекте III он занимает подчиненное положение. Основные конструкции здесь — пахса и комбинированная кладка.

Пахса — битая глина, положенная слоями. Термин взят из обихода современных народных мастеров Средней Азии, поскольку прием этот широко практикуется до сих пор. Никакой опалубки он не требует.

В древней строительной технике Средней Азии пахса укладывалась толстыми пластами с делением на блоки. Метод кладки, как показывают наблюдения, может быть двойным.

1. Слой глины кладется непрерывной лентой и по мере укладки надрезается с поверхности стены отвесными швами; последние расположены по высоте стены

в перевязку и соответственно регулируют растрескивание глины при высыхании. Классическим образцом этого типа являются стены первого яруса кешка Ак-Тепе, близ Ташкента.¹

2. Глина формируется блоками в процессе укладки. Как можно догадаться, первый метод ускоряет процесс работ, так как при формованных блоках они должны подсохнуть, прежде чем можно продолжать кладку. Зато перевязка в последнем случае получается более надежной.

На объекте III пахса второго типа. Шов ровный, прямолинейный, шириной в среднем 1—1.5 см; он сквозной, тогда как в кладке первого типа швы обычно не совмещаются и, помимо того, беспорядочное растрескивание внутри слоя делает их непроходимыми. Особенность пахсовой кладки объекта III в том, что швы блоков наклонные, составляют 10—18° с вертикалью, так что получают вид ромба (рис. 9).² Очевидно, такая форма удобнее в процессе работы этим методом. Высота слоев пахсы в среднем от 80 до 100 см, ширина колеблется от 90 до 115 см. Там, где целого числа рядов не хватало до нужной высоты, их дополняли тонким слоем (комната 17). Повидимому, не случайно угол швов совпадает с наклоном отрезков свода (там же), т. е. те и другие наклонены в одну сторону, что предотвращает скалывание острых углов блоков.

Качество пахсовых стен превосходное — трещины отсутствуют или встречаются самые незначительные.

Комбинированная кладка представляет чередование тонких слоев пахсы (без разрезки) и рядов сырца. Эта конструкция выполняется разными способами.

1. Сырец кладется вплотную, без разрывов. Здесь возможны два случая: а) кладка одних тычковых рядов и б) чередование рядов тычком и логом.

2. Сырец кладется с интервалами строчкой. Этот способ дает более широкие возможности для вариаций. Прежде всего, как и в первом способе, можно класть одни тычковые ряды или перемежать их ложковыми. Сырец тычковых рядов кладется с небольшими интервалами. Второй из этих случаев в свою очередь варьирует,

¹ См. статью автора в КСИИМК, XXVIII, 1949, рис. 1.

² Швы пахсовых блоков кешка отвесны.

поскольку интервалы могут колебаться в широких пределах — чередуются ряды с неодинаковыми интервалами или вводятся через один ряд сплошной кладки.

3. Первый вариант второго способа, т. е. кладка одних тычковых рядов с интервалами, при значительном увеличении последних приводит к качественно новому типу шахматной кладки.

На городище Пянджикента известны все три типа комбинированной кладки (рис. 10). Глина положена слоем в общем от 7 до 35 см, причем эта величина обычно колеблется в одной и той же стене (например помещение 7 объекта III).

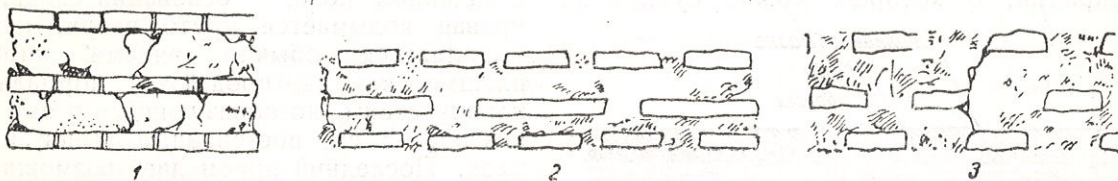

Рис. 10. Объект III. Комбинированная кладка.

1 — кладка вплотную, 2 — кладка строчкой, 3 — шахматная кладка.

В кладке первым способом, без интервалов, применены оба варианта — ряды тычковые и смешанные (помещение 7 объекта III, субструкции объекта II).

В кладке вторым способом интервалы тычковых рядов менее интервалов между ложками (в первых интервалы равны толщине кирпича или более, но не свыше половины его ширины, вторые достигают ширины кирпича). Кладка строчкой имеется в помещениях 13 и 9 объекта III. Кладка шахматная — в помещении 12а объекта III.

Кроме перечисленных, на объекте III обнаружен новый тип кладки — глинобитные стены без деления на блоки (горизонтальные швы также не заметны). Здесь глина скверного качества — не просеяна и не промешана, в ней попадает галька значительных размеров, линзы песка, иногда кости. Низкое качество глины не помешало стенам сохраниться там, где они заключены в середине жилого массива и приходится много ниже современного грунта. Там же, где стены ближе к поверхности грунта, они буквально неотличимы от завала, что создает большие трудности при раскопках.

Наконец, в перестройках раннего периода на участке объекта II уже отмечен

выше случай, когда стеной комнаты является обрез материкового грунта из гальки с булыжником, покрытый слоем глиняной обмазки.

Стены всех видов покрывались глиносаманной штукатуркой. Глинобитные стены впрочем, кажется, были не везде оштукатурены.

Перейдем к описанию покрытий. Здесь мы видим, что если парадные залы, храмовые или приемные (в жилых зданиях) везде имеют балочное покрытие, то рядовые помещения, жилые и служебные, покрывались по преимуществу сводами (по крайней мере в первом этаже).

В зале объекта I обугленные деревянные части покрытия представлены в следующем виде: прогоны сечением 32×33 см, балки 15×18 см, доски, хворост и камыш. Таким образом, восстанавливается весьма близкая современным народным приемам картина покрытия с плоской земляной кровлей. Расположение прогонов воссоздать не удастся; опираясь на четыре колонны, они делили потолок или на девять квадратов, или на три нефа (вернее всего продольных). На прогоны ложились балки, а поверх них чисто оструганные доски. Такой тип потолка можно видеть в мечетях по течению Зарафшана. Хворостяной настил покрывался земляной засыпкой и глиняной смазкой.

В зале объекта II от перекрытия, как говорилось, не осталось следов, но о типе кровли можно судить по завалу рухнувшего перекрытия в северном тайнике, где ввиду небольшого пролета балки отсутствовали. На стены уложены были, видимо, жерди или бруски небольшого сечения, оставившие полосы коричневатого тлена, и прямо по ним, слой камыша или хвороста (9 см), в разрезе остались крапинки коричневого перегиба и желтоватая труха.

Выше лежал слой земляной засыпки, которая в завале выглядела пористой массой 12 см толщиной.

В помещении 12 объекта III можно установить существование прогонов квадратного сечения 20×20 или 22 см, круглых балок 11 см в поперечнике, повидимому неотесанных, мауэрлатов и коротких досочек 6×1 . Таким образом, в общих чертах тип покрытия сходен с типом покрытия храмовых зал. Центральная часть потолка была открытая.

О системе покрытия квадратных зал жилых зданий мы говорили выше (стр. 114).

Что касается междуэтажных балочных покрытий, о которых можно судить по

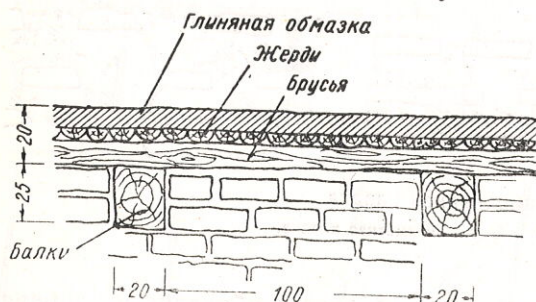

Рис. 11. Объект III. Конструкция междуэтажного балочного перекрытия в помещении 22а.

гнездам в стенах, то они, как уже говорилось, выполнялись обычно довольно небрежно, в качестве балок употреблялись подряд, как придется, брусья, кругляк, доски, все разного сечения и с разными интервалами. В восточном конце помещения 22а конструкция прослеживается несколько детальнее, так как сохранились следы настила пола второго этажа (рис. 11). По балкам размером 20×25 см, с пролетом в 1 м положены бруски через 40—50 см. По брускам шел, видимо, настил из досок или жердей, следов которых не осталось, а далее — глиняная обмазка слоем 10 см. У стены лежит арчевый брусок, древесина которого отчасти сохранилась.

Своды в древнем зодчестве Средней Азии кладлись повсеместно из сырцового кирпича способом поперечных отрезков, известным также строительной культуре Парфии, Двуречья, Египта. Эта целая отрасль строительной техники, где выработана система приемов, предусматривающая различные конструкции: своды наклон-

ных коридоров, своды внутренних и крайних помещений, своды с поворотом и т. д. Нам уже случалось касаться строительных правил кладки сводов этого типа,¹ поэтому ограничимся в предлагаемом очерке наблюдениями, сделанными при изучении древнего Пянджикента.

Укажем лишь наиболее общие свойства техники поперечных отрезков. Так именуется кладка свода отдельными ломтями-отрезками, где постели кирпича в плоскости отрезков и оси свода нормальны. Отрезки отвесны или образуют с вертикалью угол, в общем не превышающий 30° . В наклонных галереях уклон отрезков согласован с падением пола. У основания свода, где кривая подымается круто вверх, кладка выполняется обычно рядами кирпича плашмя, как бы продолжая нормальную кладку стены, но образующими у пят карниз в 5—6 см, постепенный вынос и наклон. Последний прием дает возможность несколько сократить пролет и упростить работу.

Раскопки жилых зданий шахристана дают массу ценных указаний о методах кладки сводов. Эти методы в основе следуют общим принципам техники поперечных отрезков, но в ряде деталей носят местный характер.

Число горизонтальных рядов кладки в основании свода различно и связано до известной степени с пролетом. Обычно их около шести. В сводах большого пролета кладки число горизонтальных рядов достигает 14—15 (помещение 8 объекта III). В поясе горизонтальной кладки нередко оставлены гнезда шириной в полкирпича, высотой в два кирпича и глубиной в кирпич, т. е. около 50 см. Эти гнезда с интервалами от 0.5 до 1.5 м, повидимому, служили для деревянных пальцев, на которые укладывались подмости при штукатурке помещения (по крайней мере в одном из таких гнезд комнаты 10 объекта III был обнаружен истлевший деревянный брус). Расположение гнезд противоположных стен, насколько замечено, не согласуется. В дальнейшем эти гнезда не заделывались и, будучи оштукатурены по краям, не портили, а даже украшали собой помещение. Подобные отверстия в стенах обнаружены

¹ В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Труды Хорезмск. археолог. экспед. АН СССР, М., 1952.

также на Мунчак-Тепе (Усрушана) и в крепости Хисорак на Матче.

Над поясом кирпича плашмя начинается кладка поперечными отрезками. Наклон отрезков в общем не превышает 12°.

сотой (рис. 13), — не встречающий аналогий местный прием.

Та из постелей кирпича, которая снабжена бороздами или тамгой, всегда положена в сторону наклона отрезков.

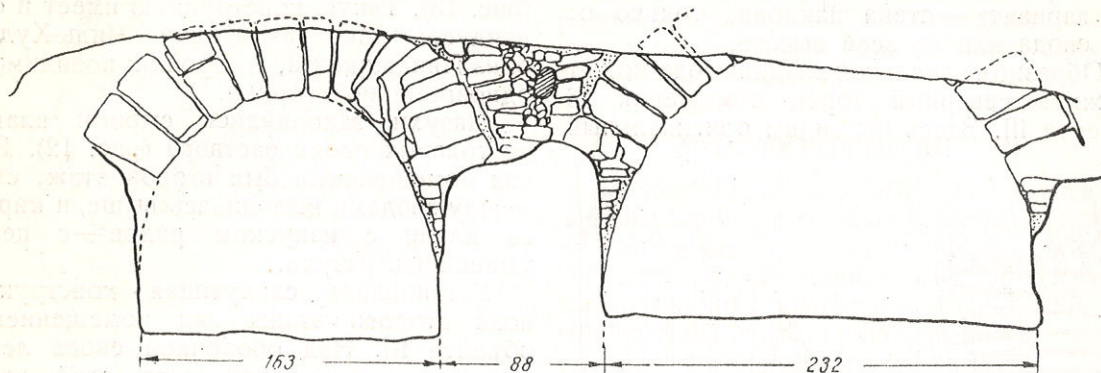

Рис. 12. Объект V. Конструкция сводов.

На пянджикентском городище своды сложены в основном из того же сырца, что и стены, но у шельги вперемежку с прямоугольным употреблялся и клино-

Кирпич отрезков кладется в перевязку, так что каждый второй ряд начинается половинкой кирпича, расколотого вдоль (для чего и служат продольные бороздки).

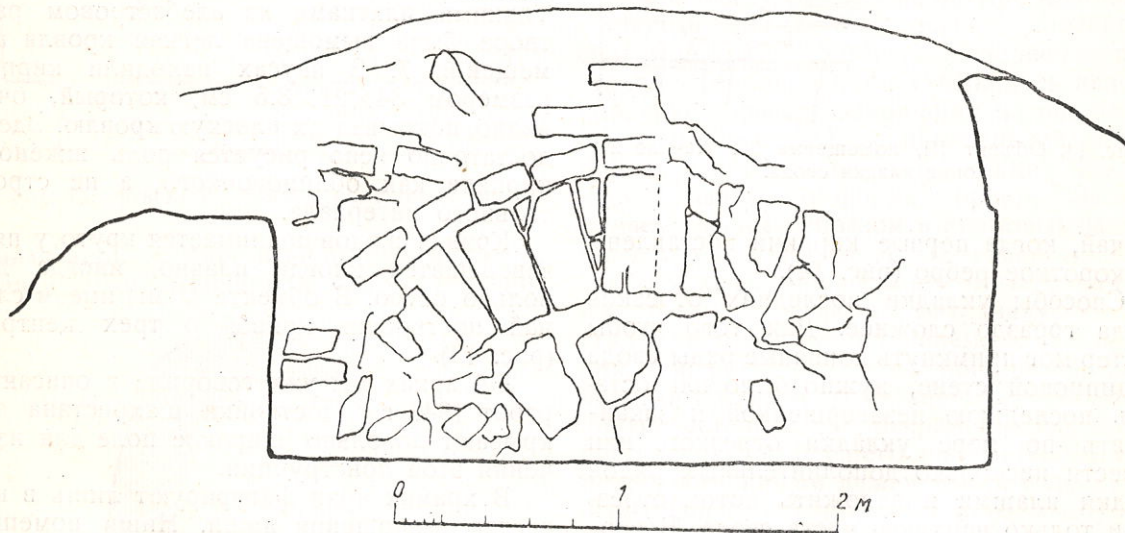

Рис. 13. Наус 2. Остатки свода в завале.

видный кирпич (рис. 12). Кирпич сводов малого пролета (например на пандусах) имеет трапецевидную форму. В наусах при малом пролете сводов употреблялся нормальный прямоугольный кирпич, а широкие периферийные швы заполнялись специально сформованными треугольными клиньями 15 см у основания и 30 см вы-

Заслуживают внимания способы, которыми осуществлялось примыкание оболочки свода к шпильковым стенам помещения.

Начало кладки свода осуществляется примыканием сразу полного отрезка (а не постепенным наращиванием наклонных частей дуги, как наблюдается в Хорезме или на Мунчак-Тепе). Поэтому первые отрезки

отвесны и получают наклон постепенно. Для того чтобы избежать отвесного положения отрезков, что менее удобно в работе, иногда делают поверхность щипцовой стены слегка наклонной и опирают на нее отрезки. В этом случае различаются два варианта — стена наклонна только от пят свода или по всей высоте.

Образцом начальной кладки свода может служить северный торец помещения 26 объекта III. Здесь мы видим оригинальный

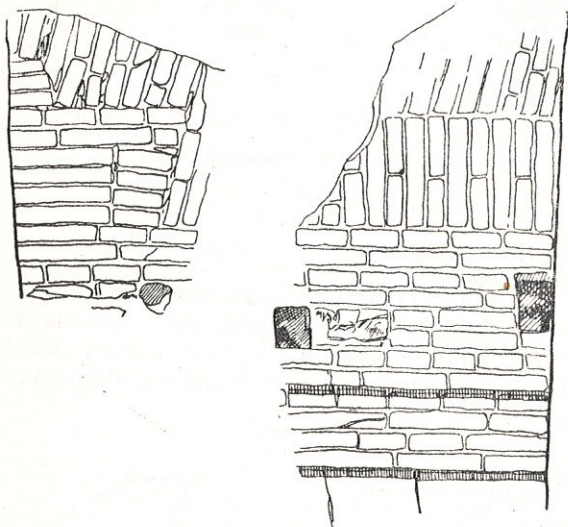

Рис. 14. Объект III, помещение 26. Начало и конец кладки свода.

случай, когда первые кирпичи поставлены на короткое ребро (рис. 14).

Способы укладки последних отрезков свода гораздо сложнее. Для того чтобы мастер мог примкнуть конечные ряды свода к щипцовой стене, нужно было или оставить последнюю незавершенной и заканчивать по мере укладки отрезков, или вывести несколько дополнительных рядов кладки плашмя и заложить потом отрезками только верхнюю часть свода. В первом случае мы видим, что отрезки свода слегка углубляются в кладку стены, поэтому этот способ можно назвать «запуском». Отсюда становится понятным, почему верхняя часть щипца выполнялась из сырца, даже если кладка стены в целом пахсовая. Но обычно оба этих варианта сочетаются (например в помещениях 26 и 12а объекта III, а также в смежном с залом помещении объекта VI).

В пандусах горизонтального пояса нет, пяты опускаются ступенями, а отрезки получают более значительный наклон.

В завале одного из наусов (наус 2) обнаружена осевшая часть свода с дополнительной оболочкой из сырца плашмя (рис. 13). Такую конструкцию имеет и свод пандусов так называемой Чиль-Худжра близ Пянджикента, постройки, повидимому, одновременной городу.

Пазухи заполнялись сырцом плашмя на толстых слоях раствора (рис. 12). Если над помещениями был второй этаж, стена между сводами выводилась выше, и кирпич ее клали с напуском рядов — с целью уменьшить пазухи.

Установлена следующая конструкция пола второго этажа над помещением 5 объекта III. Над оболочкой свода лежит ряд сырца, а поверх него слой глины с саманом — 24 см и глиняная обмазка — 7 см.

Следует здесь же сказать несколько слов о жженом кирпиче как элементе плоской кровли. В завале объекта III найден жженный кирпич размером $40 \times 35 \times 5.5$ см и более мелкие плитки $20 \times 27 \times 2.5$ см. Тонкими плитками на алебастровом растворе была вымощена легкая кровля помещения 7. В наусах находили кирпич размером $34 \times 21 \times 3.5$ см, который, очевидно, покрывал их плоскую кровлю. Здесь достаточно ясно рисуется роль жженого кирпича как облицовочного, а не строительного материала.

Кривая сводов поднимается круто у пят, завершается иногда плавно, иногда довольно остро. В объекте V мы имеем случай построения кривой о трех центрах (рис. 12).

Об арках мы уже говорили в описании работ 1947 г.¹ Постройки шахристана открывают довольно широкое поле для изучения этой конструкции.

В храмах арки фигурируют лишь в качестве завершения ниши. Ниши помещения 5 объекта I сложены поперечными отрезками.

В объекте III представляет интерес арка помещения 26 (рис. 15), сложенная клинчатой кладкой в два слоя: нижний в длину кирпича, верхний, в полкирпича, занимает неполную дугу. Пяты наклонные. Кривая арки приплюснута, и построение ее при-

¹ МИА СССР, № 15, 1950.

ближается к трехцентровой низкой, но она не совсем правильна. Плавна и стройна

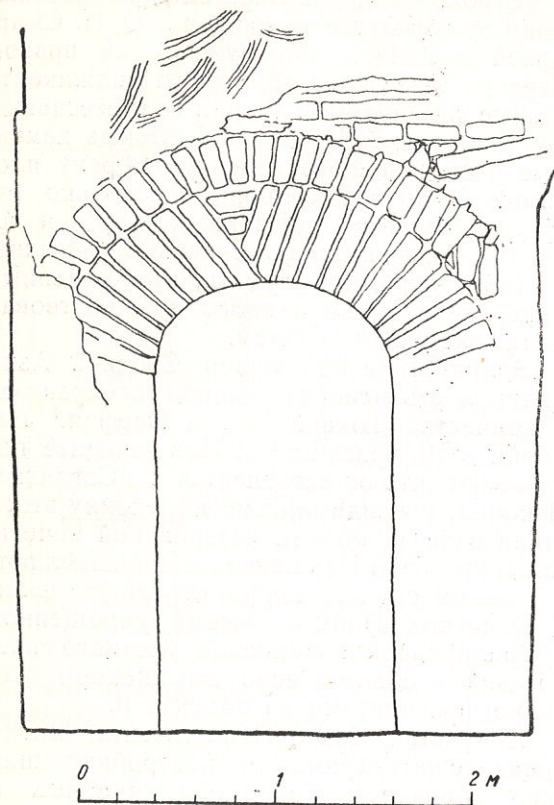

Рис. 15. Объект III. Арка в помещении 26.

кривая арок тамбура и ниш помещения 13. Кривая арки помещения 12а, с плоским

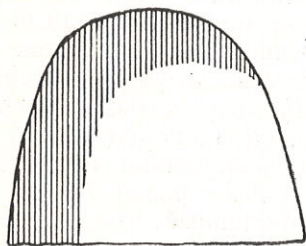

Рис. 16. Объект III. Ниша в помещении 12а.

верхом (рис. 16), имеет нечто общее с очертаниями арок объекта I (ниша зала) и кешка.¹ Входы пандуса и кладовой из помещения 21 представляют выходы сводов

¹ Там же.

поперечными отрезками. Арки помещения 22 (входы в помещения 23 и 24) по структуре сходны с арками комнат кешка. Конструкции всех этих арок были скрыты штукатуркой.

Кладка арок наусов, довольно беспорядочная, клинчатая, с небольшим наклоном у основания и заполнением замков, также напоминает арки кешка.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ

Раскопки городища выявляют не только основы планировки здания и их конструкции, но и ряд интереснейших архитектурных деталей. Это ниши, очажок объекта III, части колонн, фрагменты скульптуры, не говоря уже о той ценности, какую представляет стенная живопись.

Значительный интерес для истории архитектуры имеют обнаруженные элементы ордера. Это весьма разнородные по характеру и назначению колонны из камня, дерева и глины. В облике храмов древнего Пянджикента ордер играл огромную роль. Потолок зала опирался на четыре колонны, дворový фасад был осенен портиком, северный храм был обнесен галереей с трех сторон. Теперь можно утверждать наверное, что и фасад, выходящий на площадь, представлял собой в центральной части портик с деревянными колоннами. Фактические данные о формах ордера мы получаем главным образом в храмовых залах, особенно в объекте I. В главном зале южного храма обнаружены четыре каменные базы. Они ни по материалу, ни по стилю не отвечают колоннам, которые на них опирались. Как отмечено выше, уцелели обугленные основания двух колонн, другие оставили на поверхности баз кольцевые следы сгоревшего дерева. Поскольку между каменными фрагментами и деревянным ордером нет ничего общего, мы будем их рассматривать отдельно.

Каждая каменная база южного храма состоит из двух отдельных частей: квадратного плинта и круглой подушки, профиль которых несколько различен. В большинстве это вал с небольшим отгибом верхнего края, но у северо-восточной базы облом переменной кривизны, более плавный снизу и крутой сверху. Размеры всех баз разные, и размещены они в плане зала не совсем правильно.

В зале объекта II, повидимому, был тот же составной ордер. Но сохранность баз здесь плохая; в первом ряду от них остались лишь слабо заметные квадратные следы в полу — очевидно, эти-то плиты и найдены у восточной ограды двора. Из них тот, что лежит в воротах, ступенчатый. От баз второго ряда сохранились лишь северный плинт ступенчатого сечения и части двух разбитых подушек. Профиль последних того же типа, что и у северо-восточной базы объекта I, но более четкий (рис. 17).

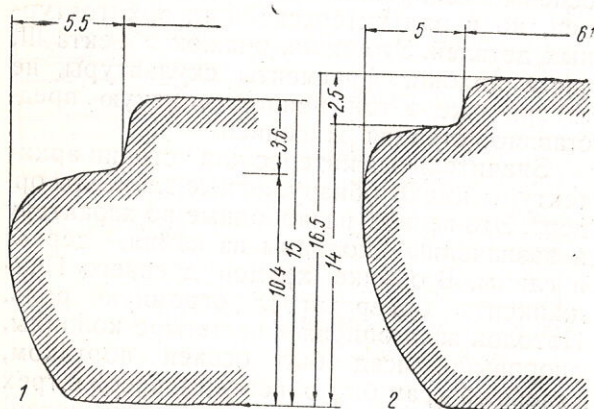

Рис. 17. Объект II. Профили каменных баз колонн из объекта II.

1 — южная второго ряда, 2 — северная второго ряда.

Приведем размеры каменных баз (в см).

Объект	База	Круглая подушка		Плинт	
		полный поперечник	высота	сторона	высота
I	Южная первого ряда	71	14	79	16
I	Северная первого ряда	70	17	80	17
I	Южная второго ряда	61	10.2	65	10.5
I	Северная второго ряда	59	16	68	16
II	Южная второго ряда	?	15	—	—
II	Северная второго ряда	71	16.5	—	—
II	В воротах	—	—	90	18
II	В северо-восточном углу двора	—	—	78×80	17

Базы объекта I сделаны из крупнозернистого серого камня, такие же базы у восточной ограды объекта II. Фрагменты подушек в зале объекта II имеют белый

мелкозернистый излом, напоминающий мрамор.

Стволов и других частей каменных колонн на городище не найдено. О. И. Смирновой в 1948 г. обнаружены на правом берегу Зарафшана против Пянджикента старые каменоломни и в них полуотесанный фуст колонны. Может быть, отсюда каменные части переправлялись через реку плотами? С другой стороны, насколько известно, имеются древние карьеры и по левобережью, выше по течению Зарафшана.

Есть основание думать, что каменный ордер по времени намного предшествовал пянджикентским храмам.

Эллинистический ордер Средней Азии получил развитие на южных ее окраинах, в зодчестве Тохаристана и Парфии.¹ Находки в Шахрисябзе² и Пянджикенте показывают, что он встречается и в Согдиане. Наконец, мы видим позднюю реплику этого стила в базах колонн хазаринской мечети. Каменные базы Пянджикента представляют, во всяком случае, слабое отражение эллинистических форм с весьма упрощенной профилировкой и элементом местного своеобразия в обломе, ясно выраженном особенно фрагментами из объекта II.

Каменные базы Пянджикента могли принадлежать храмовым постройкам нижнего горизонта. Сочетание каменных и сырцовых частей кажется на первый взгляд парадоксальным, однако примеры такого рода могут быть указаны среди памятников кушанского периода (буддийский храм Айртама).

От деревянных колонн сохранилось немного; тем не менее обугленный фрагмент северо-восточной колонны в зале объекта I позволяет воссоздать формы ордера (рис. 18). Это основание, вернее база колонны в виде кувшинчика, охваченного сверху пояском. Наибольший поперечник имеет до 52 см, высота до пояса равна 42 см. Поясок, сильно поврежденный, имел форму валика толщиной 2.5 см. Первоначально пропорции базы были, вероятно, иными, так как обуг-

¹ Г. А. Пугаченкова. 1) Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. Труды ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945; 2) Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

² Г. А. Пугаченкова. К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-саадат, Тимуридской усыпальницы в Шахрисябзе. Матер. по истор. и теор. архитект. Узбекистана, М., 1950, стр. 58.

ленное дерево растрескалось по всем направлениям, расширилось и осело. Над

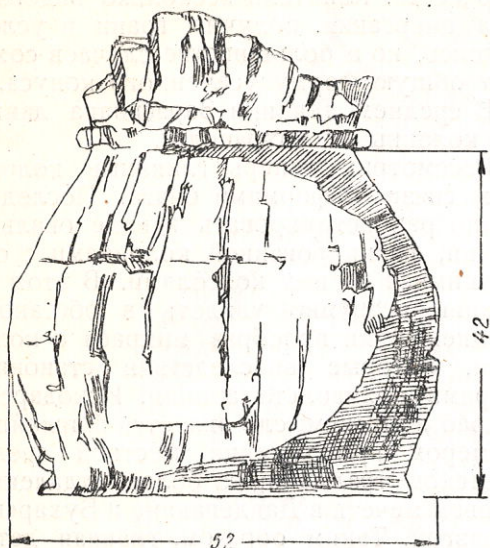

Рис. 18. Объект I. Деревянная база колонны из центрального зала.

валиком в виде раструба начинается тело колонны.

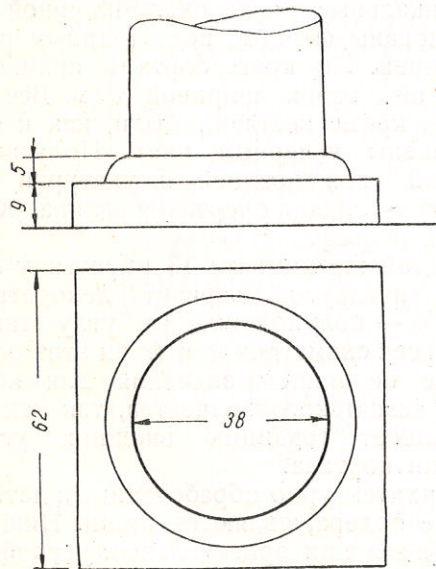

Рис. 19. Объект II. Деревянная база колонны из помещения 12 (схематический чертеж).

Другие зафиксированные на городище деревянные базы примитивны. Прослеживаются очертания базы колонн помеще-

ния 6 объекта I, где их было четыре. Здесь повторился случай сохранения отпечатка формы в сырой земле завала, какой известен на Ак-Тепе; следы дерева остались также лишь в виде светлого порошка. Базы колонн этого помещения имеют вид четырехгранной усеченной пирамиды 44 см шириной в основании и 24 см высотой.

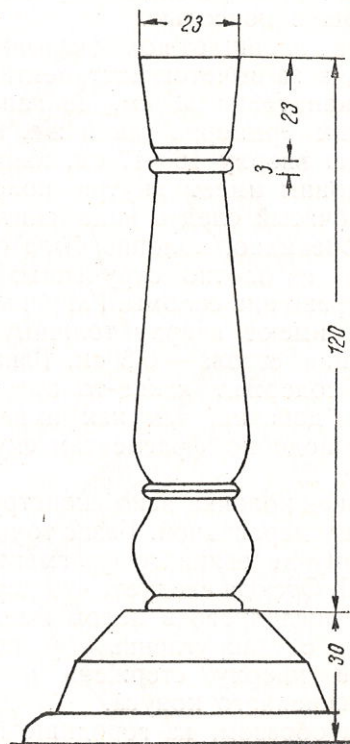

Рис. 20. Объект III. Глиняная колонка в помещении 13.

Сама опора имела вид круглого столба 30 см диаметром. Сохранившееся в помещении 12 объекта III обугленное основание одной из колонн позволяет заключить, что она имела ствол круглого сечения и опиралась на квадратный деревянный плинт с полувалом (рис. 19) — подражание каменным базам храмов.

Наконец, образец декоративного ордера, наиболее цельный и весьма характерный, представляет глиняная колонка помещения 13 объекта III, формы которой можно реконструировать полностью, так как все ее части, хотя и в отдельности, были зафиксированы (рис. 20). Колонка состоит из базиса в виде кувшинчика, закругленного

снизу и расширяющегося вверх ствола, и капители в виде усеченного конуса. Капитель и базис отделены от ствола валиками. Колонна покоится на постаменте с покатыми гранями. Высота колонны определяется, очевидно, гнездом от деревянного бруса в стене, где закреплялся в отвесном положении стержень колонны. Надо думать, что здесь капитель увенчивалась выступающей консолью.

Высота колонны от пола оказывается равной 1,5 м, а за вычетом постамента — 1,2 м. Высота капители 23 см, ее наибольший поперечник примерно такой же. Поперечник ствола сверху 16—17 см, внизу 23 см. Тело колонны имеет внутри полость, где виден рубчатый след в виде винтовой нарезки — очевидно, колонна была снабжена арматурой из плотно скрученных жгутом стеблей травы или соломы. Глиняные стенки при этом имеют сверху толщину в 5 см, у основания ствола — 6,5 см. Глина, повидимому, содержит какие-то органические вяжущие добавки, так как имеет серый оттенок, подобно фрагментам скульптуры в объекте II.

Глиняная колонка явно сконструирована по образцу деревянной. Базис точно повторяет форму деревянного фрагмента в зале объекта I. Отсюда следует, что деревянные колонны последнего в целом имели те же черты, т. е. закругленный у основания, суженный кверху стержень и капитель в виде усеченного конуса.

Таким образом, на городище представлены три типа ордера — из камня, глины и дерева. Каменный — случайное явление, чуждое всему строю форм местной архитектуры. Зато колонны из глины и дерева передают черты чисто местной самобытной традиции Согда. Если сопоставить пянджикентские колонны с древними зарафшанскими, оказывается, что при общем строе стержня и капители базис кувшинчиком представляет особую черту. Однако глиняные колонки объекта III вполне совпадают по формам с колонками искодарского михраба, если не считать скрывающих яблоко акантовых листьев, отсутствующих в первом случае.

Пянджикентский тип деревянных колонн был, повидимому, распространен и в Усрушане, о чем свидетельствуют формы современных колонн таджикской Ферганы, где «кувшинчик» представляет наиболее

характерный тип базиса. Это пример удивительной стойкости традиций народного творчества. Капитель несколько видоизменила очертания, получив грани и усложнившись, но в большинстве случаев сохраняет общую форму усеченного конуса.

В среднем течении Зарафшана данный тип колонны не сохранился.

Рассмотрим теперь глиняные колонки в их связи с формами очага. Последний можно реконструировать в виде овальной арочки, фланкированной колонками с опирающимися на них консолями. В этом сочетании нетрудно увидеть в обстановке Средней Азии прообраз михраба с колонками, которые впоследствии становятся опорами архивольта арочки. Искодарский михраб в этом смысле является ближайшим примером продолжения местной среднеазиатской традиции; из более отдаленных назовем мечеть в Данденакане и Бухарскую Намазгох. Таким образом, главная деталь мечети имеет корни в формах местного раннефеодального зодчества. Однако в пянджикентской композиции еще нет органического единства между отдельными элементами, колонки играют роль обрамления. Вертикальные борта очага шириной 15 см образованы сырцом, поставленным ребром на торец. По краю борта и архивольтов арки шел валик шириной 3 см. Все части очага, кроме колонок, были, как и стены, окрашены в черный цвет. Полусантиметровый слой поздней штукатурки скрыл краску и сгладил очертания валика, образуя вялый рельеф.

В той же комнате 13 имеется в миниатюре и другой вариант декоративного ордера — полуколонка на углу тамбура. При всей схематичности форм этот образец также не лишен значения для истории среднеазиатского зодчества, так как предвосхищает традицию внешних угловых колонн портала.

Архитектурно обработанными деталями, кроме ордера, являются ниши. Ниши храмовых зал с их оригинальным устройством, более широкие в глубине, снабженные ступенькой, прекрасно были приспособлены для сидящих статуй. Изящные, плавно очерченные ниши помещения 5 объекта I, сходного устройства, повидимому также вмещали небольшие скульптуры. В объекте II обращают на себя внимание выступы в широком проеме целлы. Возникает пред-

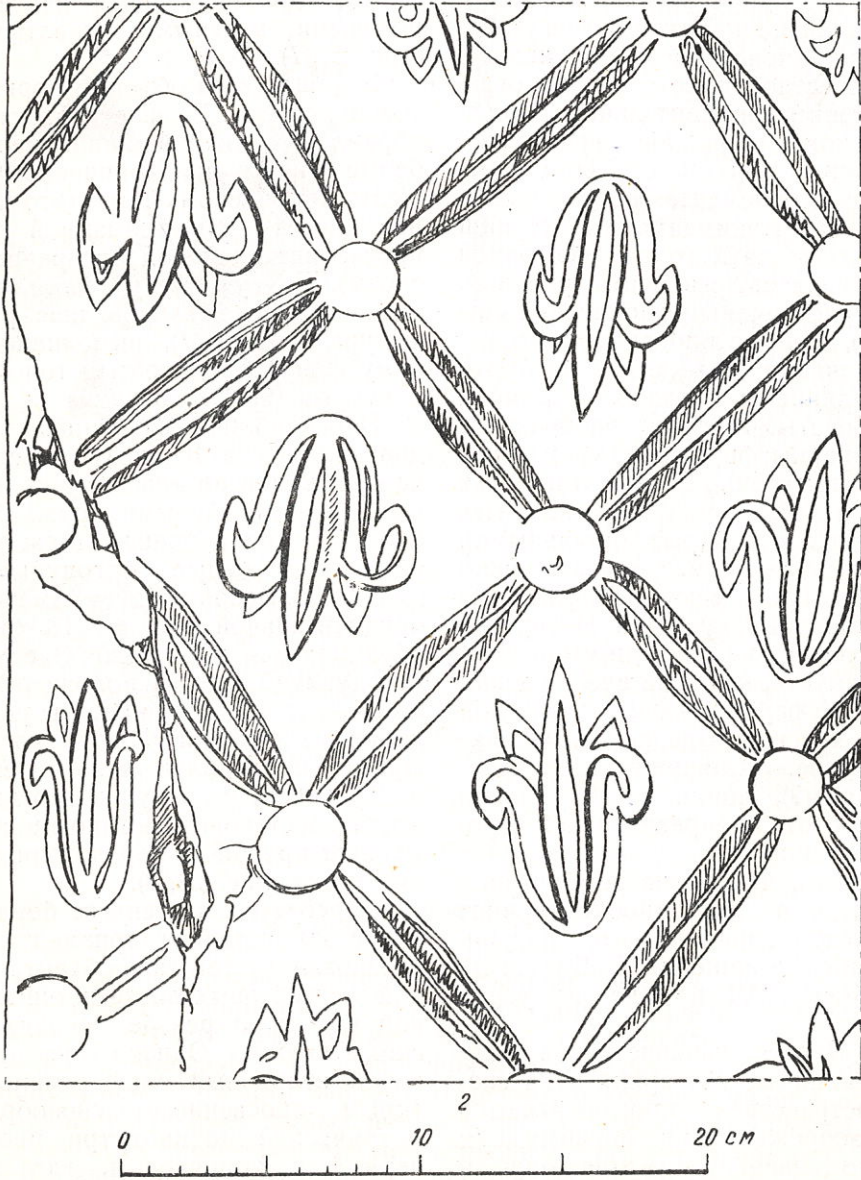
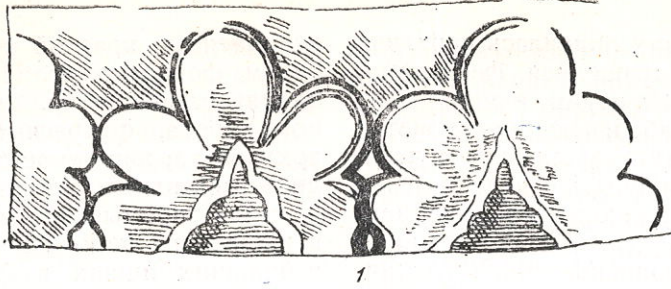

Рис. 21. Объект I. Орнамент росписи восточной ниши помещения 5.
1 — архивольт, 2 — софит.

положение, что на них опиралась нарядная деревянная арка, украшенная фестонами, вроде той, какую мы видим в миниатюре в искодарском михрабе и которая повторяется в кирпичных формах хазаринской мечети.

В описании должно быть отведено место также архитектурно-декоративным элементам настенной живописи. Мы имеем в виду организующие живописное поле рамки, фризы, бордюры, украшение ниш. Обычно живописная композиция располагается свободно вокруг стен, не прерываемая на углах, и только снизу — непосредственно над суфой — и на известной высоте вверху ограничена нешироким орнаментальным бордюром. Кроме того, нарядное окаймление получают ниши. Начнем с оформления ниш, где мотивы орнамента особенно интересны. Заслуживает внимания роспись ниш помещения 5 объекта I, точнее восточной из них, где удалось различить рисунок. Софиты арки расчерчены ромбической сеткой (рис. 21, 2), двойные линии которой отмечены на пересечении кружками — как будто скреплены шляпками гвоздей. В ромбах помещаются цветы. Рисунок изображает, очевидно, тюльпаны; форма цветка схвачена живо — видны три стоящих и два откинутых лепестка (последних также должно быть три, но один из них скрыт остальными). Наличие в орнаменте храма тюльпанов явно не случайно — они имеют несомненную связь с доисламским культом. Интересно сопоставить этот мотив с древним обычаем праздника тюльпана, который еще недавно соблюдался в Исфаре.¹ Розовые с красной линией цветы красиво выделяются на жемчужно-сером фоне. «Шляпки гвоздей» желтые (под бронзу?), линии сетки, сильно слинявшие, имеют неопределенный серо-фиолетовый оттенок.

Надо заметить, что мотив ромбической сетки с кружками был широко принят в пянджикентской живописи — он фигурирует и в росписи помещения 7 объекта III, и в зале объекта VI в качестве узора ковров.

Ромбическая сетка начинается на некотором расстоянии от пят арки, и на свободных пространствах прослеживаются интересные изображения предметов на двух ножках, напоминающие жертвенники и

¹ Е. М. Пещерев а. Праздник тюльпана (дола) в сел. Исфара Кокандского уезда. Сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927.

исполненные красной и черной краской на белом фоне, по два с каждой стороны.¹ Задняя стенка ниши, слегка покатаая, черного цвета, с красным контуром вдоль архивольты; лишенное краски пятно посредине оставляет впечатление, что здесь к стене примыкала скульптура (кстати, в нише есть небольшая ступенька, как и в больших нишах зал). Западающая дуга архивольты украшена нарядным рисунком пятилепестковых фигур на сером фоне, розовыми, красными и желтыми линиями (рис. 21, 1).

В нишах зала объекта I орнамент уничтожен огнем. В зале объекта II мотив обрамления южной ниши неразборчив — белые листья на коричневом стебле по желто-коричневому полю (это натуральный цвет лёсса — глино-саманной штукатурки, просвечивающей под прозрачным клеевым слоем). Другую нишу окаймляет бордюр, где повторяется лировидная растительная фигура (рис. 22, 1), выполненная по розовому фону коричневатым тоном с красным контуром (высота рисунка 24 см).

Плоская ниша святилища в южной части двора объекта II снизу обведена рядом черных колец по красному полю, снабженных мелкими белыми кружками с охрой (7,5 см в поперечнике). Между пальцами размещены белые и голубые пальметы (рис. 22, 2). Особо следует отметить рисунок орнаментальной полосы 18 см шириной, обрамляющей края ниши. Здесь изображен чередующийся по расположению разрезной лист — тот же мотив, что и на резной колонне из селения Фатмев на Зарафшане. Правда, сохранился лишь маленький кусочек росписи, но рисунок его дает возможность восстановить композицию с попеременным круговым чередованием направленных листа (рис. 22, 3).

Перейдем к настенным бордюрам. Наиболее замечательна орнаментальная лента в основании стен зала объекта II с гирляндой причудливых листьев, опять-таки близкой по стилю резьбе древних зарафшанских колонн. Однако она представляет собой вторичный слой росписи, под которым просвечивает своеобразный геометрический мотив в три цвета — белый, черный и коричневый, где чередование

¹ Эти фигуры напоминают некоторые хорезмийские тамги из публикаций С. П. Толстова (Древний Хорезм. М., 1948, стр. 185).

темных и светлых граней напоминает рельефную ширму. Вверху сюжетная композиция росписи зала увенчана красивым и строгим фризом из крупных желто-коричневых по красному полю кругов с вписанной горизонтально пальметтой. Высота фриза 14 см.

фону; внизу идет белая полоса с прорисованными черным контуром кружками; под ней — полоса рисунка аналогичного геометрическому мотиву нижнего пояса на объекте II, но без расцветки (черные и красные линии по белому фону). В том же помещении найдены куски фриза

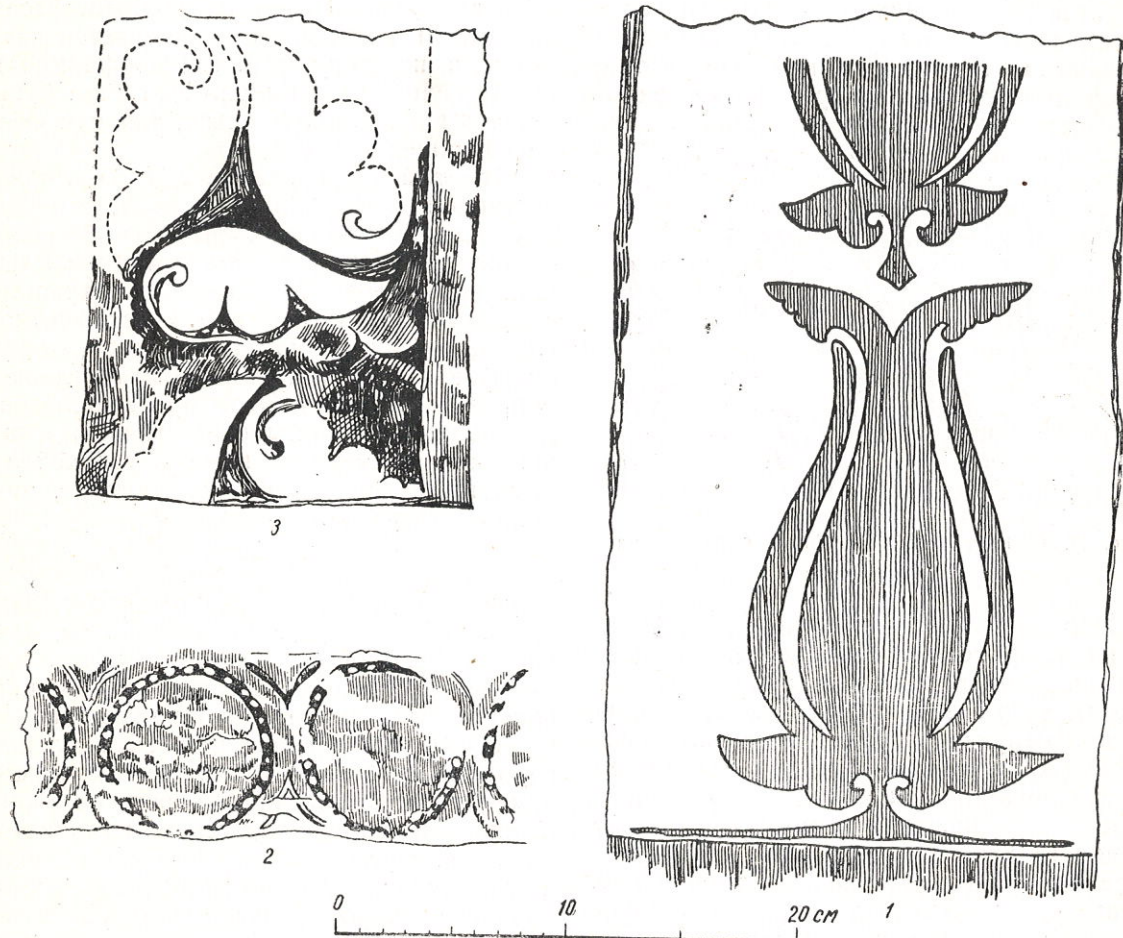

Рис. 22. Объекты I и II. Орнамент росписи ниш.

1 — архивольт ниши центрального зала объекта II, 2 — бордюр ниши в помещении II объекта I, 3 — архивольт ниши в помещении II объекта I.

На объекте I — излюбленный мотив верхнего бордюра: цепочки кружков и ов, белых на черном фоне, ограниченных двумя белыми или желтыми полосами. В крайнем южном помещении объекта I найден фрагмент росписи, где лента белых по черному ов граничит с красным полем. В помещении 10 живописная композиция ограничена вверху поясом белых ов с красно-коричневым контуром по черному

с делением белыми линиями на ромбы и треугольники в три полосы желтого, оранжевого и темнокрасного тонов, с двумя поясами белых по черному кружков. В целом как будто кружки предпочитались в качестве венчающего фриза, тогда как основание стен украшали по преимуществу несложные геометрические бордюры.

Объект III пополняет коллекцию бордюров несколькими оригинальными образ-

цами. В помещении 6 мы находим на северной стене фриз своеобразного рисунка, напоминающего драпировки, а на восточной — мотив ступенчатых зубцов; внизу на восточной стене тянется пояс ромбических фигур. Краски — желтая, черная и красная. В помещении 17 пята свода южной стены снабжена рисунком в виде многолопастных чешуек, над которыми едва различается более крупный мотив; на торцовой стене бордюр в форме решетки. «Чешуйки» и «решетки» даны только в две краски — желтую и черную.

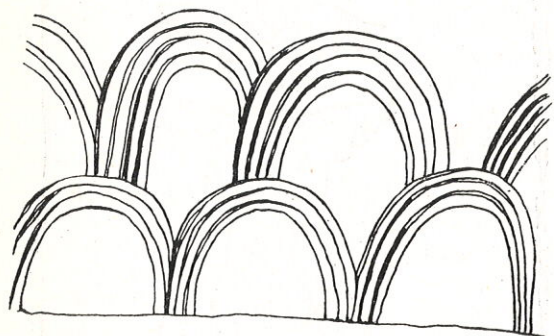

Рис. 23. Объект VIII. Рельефный орнамент на штукатурке.

Обзор орнаментальных композиций показывает, что геометрические сюжеты были еще очень элементарны; зато растительные мотивы, хотя и немногочисленные, обнаруживают зрелую культуру орнамента. В фрагментах живописи VII—VIII вв. мы узнаем зачатки орнамента изумительного резного дерева Зарафшанской долины IX—XI вв.¹ Следовательно, искусство это расцвело на веками подготовленной местной почве. Очень важно отметить широкое распространение кружков-перлов, которые представлены не только в виде бордюра, но также в изображениях ковров и тканей на росписях (обрамление полукружий в росписи помещения 7 объекта III и др.). Кружки-перлы фигурируют в резном штурке Варахши и резном дереве Зарафшана, Хивы, Туркестана вплоть до XVI в.

Следует отметить особо мотив ступенчатых зубчиков.

В живописи Пянджикента неоднократно встречаются архитектурные сюжеты. На фоне архитектурного пейзажа разверты-

ваются сцены живописи южной стены зала объекта II, кое-какие элементы видны на западной стене айвана того же здания, постройка в виде павильона фигурирует в росписи объекта VI. Анализ этих изображений целесообразнее, однако, выделить в специальную статью.

В айване внешнего восточного фасада объекта II роспись сопровождается нанесенными на стену тонкими профилями из глины, сечением примерно 1×1.5 см. О них сказать пока ничего нельзя, так как стена не расчищена от завала.

Отметим в заключение еще один прием настенной декорации — рельефы, выведенные пальцами по сырой штукатурке в зале объекта VIII. Рисунок имеет вид нарастающих ярусами арок (рис. 23); сохранился фрагмент штукатурки с ромбической сеткой. Начатая расчистка помещения к югу отсюда открыла, что и там стены были отделаны подобным образом. Этот простейший вид декорации пережил многие столетия и широко практикуется поныне в узбекской и таджикской народной архитектуре, особенно в Фергане.

Раскопки городища в Пянджикенте дают важнейшие сведения по истории разнообразных типов сооружений: жилища, храмов, погребальных построек, наконец, по планировке раннефеодального города.

Черты планировки раннефеодального города в древнем Пянджикенте только еще намечаются. Стены Пянджикента снабжены башнями и защищены с севера каменистым обрывом, с юга — рвом. В шахристане скрещиваются под углом улицы, идущие от городских ворот (с юга) и конной тропы (с запада); в вершине этого угла лежит храмовая площадь. В Пянджикенте впервые открывается во всех деталях городская жилая застройка периода зарождения феодализма. Мы не можем привести каких-либо аналогий из археологической практики. Для соответствующих веков в Хорезме характерны усадебно-замковые типы застройки; на территории городищ античного типа Джанбас- и Топрак-Калы выясняется примерно лишь расположение стен. Постройки средневекового Наринджана элементарны и неправильны по плану.¹ В Междуречье

¹ МИА СССР, № 15, 1950.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, рис. 93.

мы не можем пока привлечь для сравнения ни застройку Афрасиаба из-за ее неизученности, ни материалы мало исследованного поселения Варахши.

Система разбивки помещений жилых зданий, как и отдельных секций объекта III, опять-таки не встречает аналогий в материалах по археологии Средней Азии — по тем же причинам, что и тип городской застройки в целом. Помещения донжонов хорезмийских замков по необходимости ограничены в числе, заключены в квадрат стен и имели центральное распределительное помещение (Тешик-Кала). Взаимосвязь помещений пянджикентского жилища много сложнее и разнообразнее, особенно принимая во внимание двух- и трехэтажную застройку. Благодаря этому сложился тип винтового пандуса, неизвестный в Хорезме. Однако нечто общее намечается в составе жилых помещений, причем удобнее взять для сравнения хорошо исследованную Тешик-Калу. Там и здесь налицо жилые комнаты, вестибюль и, что особенно интересно, парадный зал.

Заслуживает внимания значительная общность форм этого парадного зала. В Тешик-Кале он почти квадратный, имеет размеры очень близкие пянджикентским, вдоль всех стен также идет лежанка. Различие сводится к тому, что противлежащее двери почетное место выделено не выступом лежанки, а, наоборот, углублением в стену в виде ниши, живописная декорация заменена глиняной лепкой. Изолированное расположение парадного зала близ входа напоминает устройство современных жилых домов Хивы, где при малых размерах участка мужская половина дома сводится к единственной, выделяемой у входа михмонхона.

Что касается пянджикентских домов, их планировка выяснена еще не до конца; насколько известно, тенденции к выделению женской половины не замечается. Парадный зал заключен иногда глубоко в корпусе здания.

Развитием идеи винтового пандуса является, между прочим, лестничная клетка здания I древнего Мерва.¹ В целом же это здание представляет отголосок форм хорезмийского донжона. Материалы исследо-

вания жилища древнего Пянджикента являются ценными для познания истории форм жилища Средней Азии.

До арабского завоевания на территории Средней Азии уживались самые различные религии: зороастризм, буддизм, манихейство, христианство и ряд местных культов, которые были вытеснены исламом после долгой борьбы. Письменные источники содержат сведения о «домах идолов» Бухары и Самарканда. Кроме домов идолов — буткада, или бутхона, — различались аташкада, или аташхона, — дома огня. Встречаются отрывочные указания о молитвенных домах манихеев. Храмы доисламских культов приспособлялись для мечетей — первые соборные мечети Бухары (в цитадели) и Самарканда (в шахристане близ цитадели) первоначально были храмами идолов.¹ По Нершахи, в Бухаре на месте торговли идолами был возведен дом огня, а позже построена мечеть.² Однако фактических данных об архитектуре доисламских храмов у нас до последнего времени не было. В литературе ограничивались одиночными упоминаниями или фантастическими предположениями. Так, Г. В. Григорьевым выдвинута версия подземных храмов;³ В. Чепелев допускает храмовое назначение гофрированных построек типа мервских Кыз-Кала⁴ и т. д.

Первые реальные данные о домах огня получены в процессе работ Хорезмской археологической экспедиции АН СССР. С. П. Толстов рассматривает как алоу-хона постройку посреди двора Тешик-Калы и здание, завершающее единственную улицу Джанбас-Калы. Первая из них — небольшая прямоугольная руина, второе состоит из нескольких комнат, в одной из которых посередине находится очаг-площадка. Сохранились лишь остатки стен.⁵ Сомнительно, являлось ли культовое место Топрак-Калы

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 33, 38.

² Нершахи. История Бухары. Перевод Лыкошина. Ташкент, 1907.

³ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935.

⁴ В. Чепелев. Античная стадия в истории искусства народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 59.

⁵ С. П. Толстов. 1) Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 195. 2) Древности верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 164, 165, рис. 6.

¹ В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва. Нов. исслед. по истор. архитект. народов СССР, М., 1947, рис. 5—9.

зданием, как представлено на реконструкции,¹ поскольку никакого признака стен обнаружить не удалось — видны лишь прямоугольный контур сырцовый вымостки и зольное пятно посредине. Так или иначе, архитектура и художественная отделка хорезмийского храма остаются неясными. Описания буддийского храма, откуда происходит знаменитый айртамский фриз, не сопровождаются обмерным материалом.² Храмовое назначение прямоугольной башни Старой Нисы пока гипотетично.³

Таким образом, храмы Пянджикента с их прекрасной композицией и богатым убранством являются первым достоверным открытием из области доисламской культовой архитектуры, притом открытием исключительного значения.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 34.

² Г. А. Пугаченкова. Архитектура среднеазиатской античности. ВДИ, 1951, № 4.

³ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 240.

Итоги многолетних раскопок городища в Пянджикенте дают чрезвычайно много для истории культуры и искусства Средней Азии.

Архитектурные памятники Пянджикента дополняют представление о типах зданий древнего зодчества Средней Азии, вводят в обиход уникальные данные о формах культовых и погребальных сооружений, ряд ценных сведений о деталях и конструктивных приемах.

В синтезе архитектуры, скульптуры и живописи открывается необычайное богатство художественной культуры Согда.

Мастерство согдийских зодчих, художников, скульпторов свидетельствует о многовековой высокой традиции. Эта традиция унаследована таджикским народом: ее продолжением являются чудесные памятники резного дерева Зарафшанской долины, отголоски ее живут в народном творчестве Ферганы.

Памятники искусства Согда займут достойное место в истории мирового искусства.